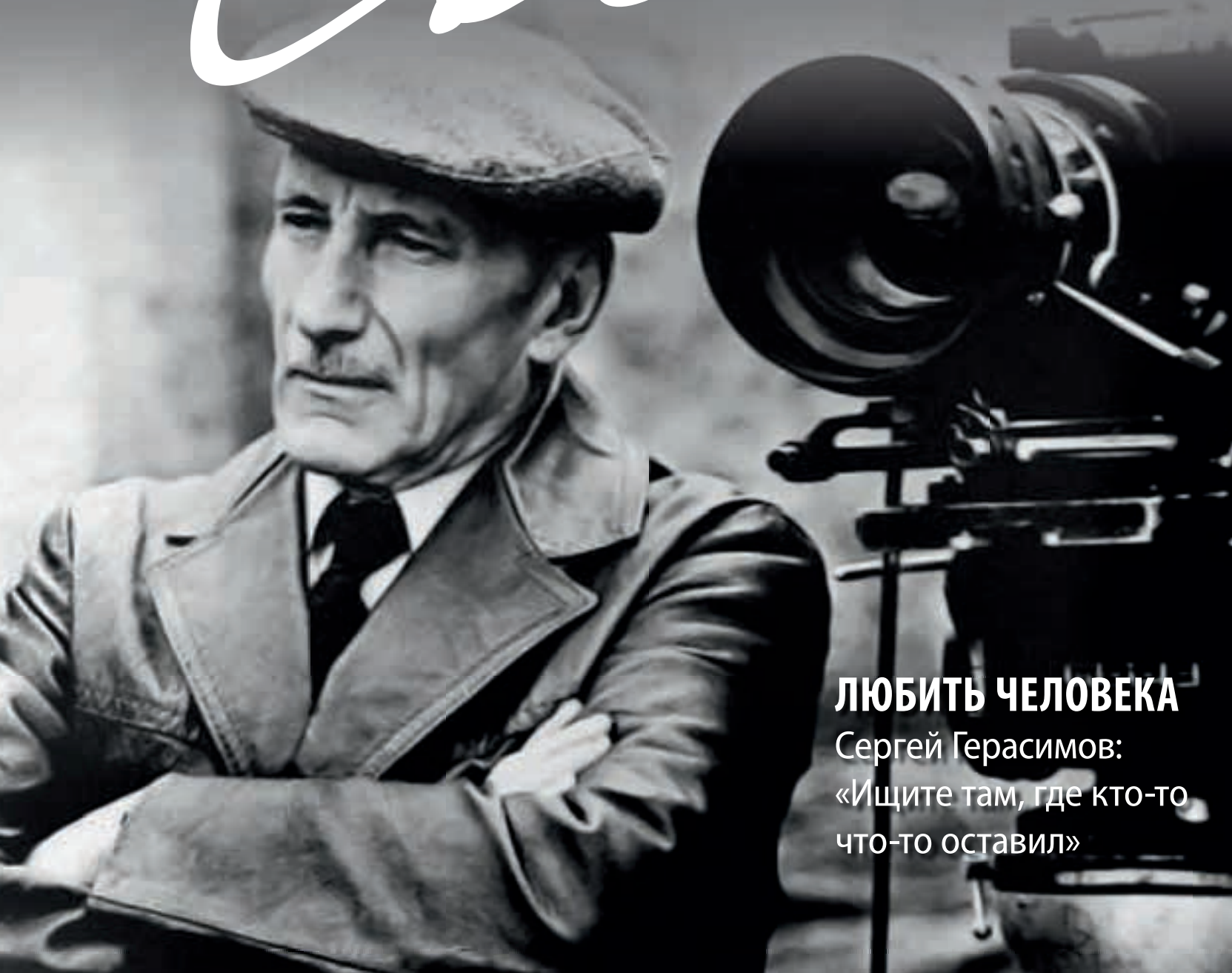

Своя

июнь 2016

журнал
Никиты Михалкова

ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Сергей Герасимов:
«Ищите там, где кто-то
что-то оставил»

Катастрофы «made in USA»

Кому мировая война —
мать родна

Полузабытая столица

Три века Омска.
Как воздвигались
ворота в Азию

«Сгорите, как свечка, и других сожжете»

За что Гоголь
укорял Белинского

***П**УСТЬ же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского, для создания и возвеличения которого так долго и упорно трудилось великорусское племя, для которого принесено им было так много кровавых жертв и понесено страданий, неведомых украинцам; пусть помнит, что это государство спасло и его самостоятельность; пусть, одним словом, хранит, не искажая его, завет своей истории и изучает нашу.*

Юрий Самарин (1819–1876)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Вооружась историей	28–31	Чужой среди своих
«Сгорите, как свечка, и других сожжете»
3–7	Ретроспектива
Катастрофы «made in USA»	32–35	Стоп-кадр
Любить человека
8–11	Философ о философе
Прощание с Гегелем
Юрий Самарин: аристократ, интеллектуал, славянофил	36–38	Родное слово
Изумруды нашего детства
Секреты волшебства по Волкову
12–15	Символ веры
Лестница в небо
Мистические откровения афонских старцев	39	Книжная палата
16–19	Служу России
Отец хирургам
Пять войн Николая Бурденко	40–43	На семи холмах
Московский Версаль
Прошлое и настоящее «Усадьбы Кузьминки»
20–23	Русская Евразия
Полузабытая столица	44–47	Русская Америка
Лебеди под пальмами
Беседуем с Галиной Кравченко о Школе Большого театра в Бразилии
24–27	Возвращение имени
Защита Вандама
Его предсказаниям в начале XX века не верили. А зря...	48	Трапезная
Греческий смак
Как приготовить мусаку

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат»

Тираж 35 000

Подписано в печать 18 мая 2016 г.

Вооружась историей

Львиная доля моих авторских программ «Бесогон-ТВ», выходящих на канале «Россия-24», посвящена урокам истории. И тем, на которых школьники изучают прошлое. И тем, кои наше общество должно извлекать из явлений и событий минувших эпох. Со школьными уроками дела обстоят пока плачевно: мы в «Бесогоне» не раз показывали, до какой степени невежества, чтобы не сказать одичания, может доходить равнодушная к своей истории молодежь.

Однако то, что мы наблюдаем сегодня на Украине, несоизмеримо страшнее. Более двух десятков лет, каждый божий день, там велась планомерная работа по внедрению учебников известного свойства, подготовке соответствующих учителей, формированию нового взгляда на историю. В результате все, что прежде казалось ужасным, постыдным, позорным, стало там вполне нормальным, «единственно верным». За минувшие десятилетия миллионы наших соседей, в основном молодых, были начисто лишены исторической памяти. Они усвоили, что «Бандера и Шухевич — герои Украины»; стариков и детей, празднующих святой для наших народов День Победы, можно оскорблять; «колорадов» и «ватников» Донбасса, Одессы допустимо убивать не только морально, но и физически.

В нашей телепрограмме в начале мая я задался вопросом: «А если нечто подобное произойдет в России?» При всей кажущейся нереалистичности подобного развития событий тем, кто поспешит крикнуть: «Этого не может быть!», я бы посоветовал не торопиться.

Вот и один из постоянных зрителей «Бесогона» написал мне недавно практически о том же (это был отклик на передачу, в которой рассказывалось о заграничном съезде «либерал-революционеров» — Достоевский в своем гениальном романе обобщенно назвал такую публику «бесами»): «Оглушила очень простая мысль: а ведь мы можем стать зеркалом Украины. Мы, с нашей доверчивой надеждой, что здоровые, вмняемые, логически мыслящие и патриотически настроенные люди, любящие свою страну, никогда не допустят, чтобы она оказалась под угрозой развала и внешнего вмешательства. И в то же время, слушая тех, кого вы показали в своей передаче, я совершенно ясно ощутил, какая угрожающая убежденность звучит в устах тех, для кого Россия — это территория, а не страна, а население — не народ, а быдло».

Откуда, спрашивается, у «революционеров» эта убежденность?

Они чувствуют полную и безоговорочную поддержку Запада, они полагают достаточными финансами для того, чтобы сеять смуту, а главное, они видят, что их многолетние усилия на ниве исторического образования в России (точнее, на ниве его чудовищного выхолащивания) были не совсем тщетны. К счастью, им не удалось лишить нас исторической памяти. Массовые шествия «Бессмертного полка» 9 Мая это очень ярко подтверждают.

История — главное оружие в идущей на наших глазах «гибридной» войне. И надо обратить его против тех, кто желает России всяческих бедствий. Ведь право и правда на нашей стороне.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author or publisher, written in a cursive style.

Катастрофы «made in USA»

Все ли мы знаем об истинных причинах и предпосылках чудовищной драмы, начавшейся 75 лет назад, 22 июня? Насколько полно и объективно нам рассказывали о ее завязке? По большому счету ясно одно: тракторы, интерпретации на сей счет, относящиеся к советскому и последующему, «реформенному», периодам, выглядят далеко не безупречно.

Валерий Шамбаров

МЕЖДУ Первой и Второй мировыми войнами добросовестные исследователи находят очень много общего. И эти параллели не случайны. Дело тут не только в составе воюющих коалиций, масштабах боевых действий и сходстве геополитических планов. У истоков обеих войн стояли одни и те же силы.

Противостояние Запада и России прослеживается в течение веков. Масштабные «крестовые походы» против нее организовывались, например, в 1579-м, 1605-м, 1700-м, 1812-м, 1853-м. Главные противники нашей страны в Крымской войне, Англия и Франция, после огромных потерь под Севастополем опасались повторять подобные попытки. Тогда же, во второй половине XIX века, появился и новый геостратегический фактор: из россыпи мелких государств возникла Германия, сильная и агрессивная. Теперь Россия стала выступать гарантом мира в Европе, не позволяя немцам и австрийцам раздавить Францию, Бельгию, Нидерланды, развить экспансию на Балканы. Но могущественные финансово-политические группировки Запада, которые русский философ Иван Ильин назвал «мировой закулисой», увидели выигранный для себя вариант — столкнуть в смертельной схватке Германию с Россией. Глобальная война могла реализовать их стратегию и одновременно сулила сверхприбыли.

Среди немцев еще в XIX столетии раздувалась русофобия, в их сознание внедрялись теории пангерманизма — уже тогда принципиально схожие с нацизмом. Пропагандировалось превосходство германской расы, обсуждалась необходимость «жизненного пространства» на востоке, строились проекты на-

силы переселения «низших народов» с привлекательных для немцев земель. Нарастало вооружение.

Россию тем временем усиленно втягивали в союз с Англией и Францией — для противодействия «общей» угрозе. По-своему готовились к войне и США. Президент Вильсон добился отмены закона о запрете вывоза капиталов за рубеж, в 1913 году создал Федеральную резервную систему. Олигархи Уолл-стрит нацеливались нажить на займах и всевозможных поставках готовым к сражениям сторонам.

Термин «мировая война» родился гораздо позже. В 1914-м в народе ее называли «германской», а официально — Великой войной.

Или Второй Отечественной. Что ж, наши солдаты и офицеры действительно поднялись на защиту Отечества. Они дрались как герои, и не их вина, что победить им не позволили. Ход боевых действий определяли не только личные и массовые подвиги, но и вселенские интриги.

Западные союзники подставляли Россию, в 1915 году она осталась без боеприпасов (их должны были прислать британские заводы «Виккерс» — и не дали ничего). Иностранные политики и дипломаты организовывали оппозицию царю, плели заговоры.

Ну а США, почти всю войну сохраняя нейтралитет, невиданно разбогатели, превратились из мирового должника в глобального

кредитора. Не преминули пожать и плоды победы. В Белом доме в ходе планетарной бойни вызрел так называемый «план Хауса» (по имени советника Вудро Вильсона). Летом 1916-го этот «серый кардинал» писал президенту, что Америка должна включиться в военные действия только после свержения русского царя. Нашей стране, по этой задумке, предстояло сгинуть. Задолго до Збигнева Бжезинского Эдвард Хаус поучал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если Мосты огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная Европейская часть страны». Сыпал откровениями: «Если не обсуждать условий мира с другими союзными державами, то наша страна и Англия окажутся в состоянии диктовать условия», и в результате следует «построить новую мировую систему», в которой будут лидировать Соединенные Штаты.

Предполагалось добиться этого не военными средствами, а финансовыми, экономическими и пропагандистскими; провозгласить приоритетом всей международной политики «демократические ценности»; внушать, что причиной войны с колоссальными жертвами стала плохая демократия в Европе, а избежать аналогичных катастроф в будущем позволит лишь демократия истинная...

При подобном раскладе Америка выдвигалась на роль всеобщего учителя и общемирового арбитра. Получала право влезать в дела других государств, оценивая, достаточно ли они демократичны. Создавался первый вариант «мирового правительства» — в виде Лиги Наций.

Эти планы исполнились лишь отчасти. Были взорваны революциями Россия, Германия, Австро-Вен-

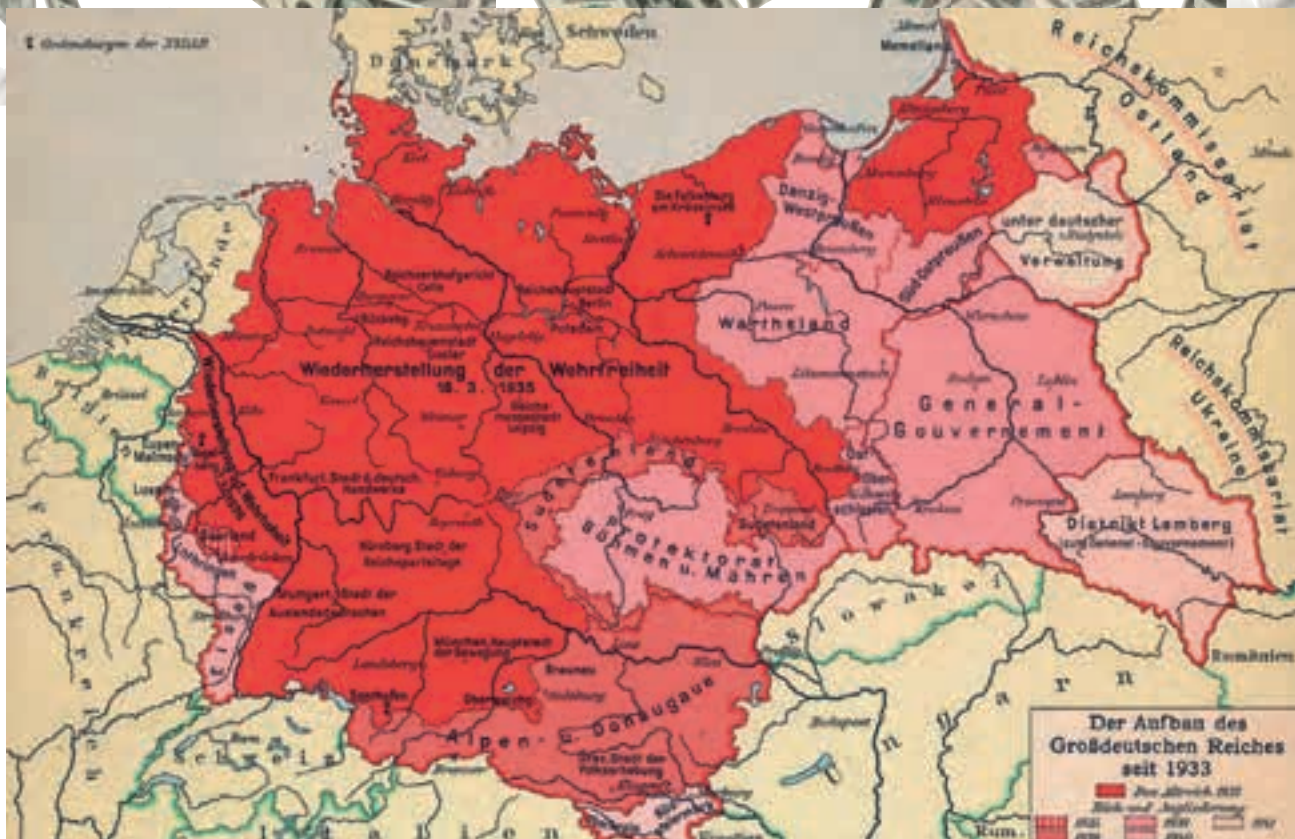
грия, Османская империя. Антанта торжествовала, перекраивая мир. Однако тотальное господство Америки не состоялось. Европейская «закулиса» была еще достаточно сильна, а главное, опытна. Против Вильсона организовали кампанию у него на родине, сенат не утвердил Версальский договор и вступление США в Лигу Наций. Основной профит получили Великобритания и Франция. Россия стала советской, но не распалась, выскользнула из разрухи, строила мощную промышленность.

Первый контакт американцев с Гитлером отмечен 20 ноября 1922-го. Этот человек был еще, по сути, никем, а точнее — лидером крошечной партии в Баварии. Но к нему в Мюнхен приехал помощник военного атташе посольства США Трумэн Смит, беседовал с ним о его взглядах и по итогам этого рандеву представил начальству доклад. Бывший канцлер Германии Генрих Брюнинг в своих мемуарах сообщал: «Одним из главных факторов в восхождении Гитлера... было то обстоятельство, что он с 1923 г. получал крупные суммы из-за границы».

В 1924 году для восстановления экономики Германии был принят американский план Дауэса. Немцам выделяли огромные кредиты, в этом участвовали финансовые столпы США — Морган и Барух, Варбург и Рокфеллеры... При этом американские корпорации активно внедрялись в германскую промышленность, становились совладельцами предприятий, создавали с немцами совместные фирмы. Когда возможности программы Чарльза Дауэса были исчерпаны, состоялось принятие новой — плана Юнга.

Рядом с Гитлером появились «финансовый гений» Ялмар Шахт, главный экономический советник фю-

пера Вильгельм Кепплер, банкир Курт фон Шредер. Отметим, что отец Шахта был американским бизнесменом. Банкирами в США были два его брата и три дяди. Кепплеру принадлежали 50 процентов акций заводов по производству фотопленки «Один-верке». А другая половина — американской фирме «Истмен-кодак». Родственники Шредера заправляли в банках Scroders в Лондоне и J. Henry Scroder Bank & Trust Go в Нью-Йорке. Кроме того, Шредер был зятем Георга фон Шницлера, хозяина концерна «ИГ Фарбениндустри». Последний состоял в картельной связи с рокфеллеровской компанией «Стандарт ойл». Эти лица возглавили «кружок Кепплера» — позже его назовут «вторым правительством Германии».

На волне Великой депрессии американские олигархи провели на пост президента США Франклина Рузвельта. Вокруг него обозначилась та же команда, которая окружала Вильсона: Хаус, Барух, Вар-

бург и др. В Германии глобальный экономический кризис способствовал приходу к власти Гитлера.

Посольство США в Берлине 23 сентября 1930 года доносило в госдепартамент: «Нет сомнения в том, что Гитлер получает значительную финансовую поддержку от крупных промышленников... Влиятельные финансовые круги оказывают на канцлера давление, чтобы предпринять эксперимент и допустить нацистов к власти... Как раз сегодня получены сведения из обычно хорошо информированных источников, что представленные здесь американские финансовые круги проявляют большую активность именно в этом направлении».

После победы нацистов Шахт сразу отправился в США. Встретился с президентом, тузами Уолл-стрит, убеждая их, что «нет в мире более демократического правительства, чем правительство Гитлера». В Германии уже царил кровавый террор, но Шахту «поверили»,

выделили дополнительные займы. По старым кредитам договорились сократить платежи, а потом — вообще прекратить. Небывалый случай! Столь же благосклонно к упомянутому германскому эмиссару отнеслись в Англии, отвалили почти миллиард фунтов. Ну а к Гитлеру на подмогу ринулись американские предприниматели.

В августе 1933-го с ним встретился глава фирмы «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» Состенес Бенн. Его дочерняя компания «Лоренц» приобрела 28 процентов акций заводов «Фокке-Вульф». «Стандарт ойл» принялась строить в Гамбурге огромный нефтеперерабатывающий завод для производства авиационного бензина. Концерн «Дженерал моторс» вошел в единый картельный организм с фирмой «Опель», вложил 30 млн долларов в предприятия «ИГ Фарбениндустри». Банкиры США финансировали строительство и расширение германских авиационных заводов.

К. ЛАТУФОВ. ПЛАКАТ

Развивать гитлеровскую индустрию помогали и англичане. Причем американцы проворачивали свои дела, не привлекая особого внимания, а британская дипломатия открыто поддерживала нацистов на международной арене — как противовес «коммунистической опасности».

Представляется значительным еще одно совпадение. Гитлер окончательно утвердился во власти летом 1934-го. Разгромил оппозицию штурмовиков, а вслед за этим, 1 августа, издал закон о совмещении постов рейхсканцлера и президента. Отныне никто не мог отстранить его. И в этот же день, 1 августа 1934 года, в Швейцарии был принят беспрецедентный закон о тайне банковских вкладов. Теперь ее не имели права раскрывать даже по решению суда. Впредь никто не мог узнать, какие средства и откуда потекут через швейцарские банки в Германию. А потом из Германии — прибыли, даже во время войны кое-где имевшие место, колоссальные ценности, награбленные нацистами по всей Европе. Куда они делись? В любом случае разбогатела во Второй мировой лишь одна держава — США.

Иосиф Сталин достаточно знал о закулисных делах, в том числе о механизмах развязывания Первой мировой войны. Во многом этим объясняется его поведение накануне грозных событий. Убедившись в лживости, двурушничестве Англии и Франции, Сталин расторг альянс с ними, стал наводить мосты с немцами. В противоположность последнему русскому императору, не объявляя мобилизацию, приказывал «не поддаваться на провокации». Гитлер же, по сути, реализовал старый «план Шлиффена», примененный в предыдущей войне и предусматривавший сначала разгром западных противников, а затем переброску сил на восток.

Альфред фон Шлиффен в начале XX века основывал свои выкладки на скрупулезном расчете пропускной способности железных дорог, разнице сроков мобилизации в России и Германии. Фюрер полагался на более надежное средство — дипломатический обман. Но особые провокации ему здесь и не потребовались, он напал на СССР без повода, без объявления войны.

Представлять дело так, будто Советскому Союзу пришлось вести единоборство с Германией, было бы совершенно ошибочно. Нет, на Россию тогда двинулся очередной «крестовый поход» всей Европы. Вместе с немцами на фронтах действовали финские, румынские, словацкие, венгерские и итальянские войска. В рядах собственно германских войск служили австрийцы, уроженцы Эльзаса и Лотарингии (включенных в Рейх), полмиллиона поляков, множество чехов (в советском плену их потом насчитали 70 тысяч). Идти на Россию охотно вызвались граждане многих стран: были сформированы французская, голландская, две бельгийские и скандинавская дивизии СС. Три дивизии вермахта и СС оказались укомплектованы хорватами. Стоит добавить сюда еще украинские, латышские и эстонские формирования СС, казацкие соединения. Нейтральная Испания послала в Россию 50 000 добровольцев, Швейцария — 1300, части из «нейтральных» шведов воевали в составе финской армии.

Да и те жители Европы, кто не надел мундиры, добросовестно служили Гитлеру. Промышленные гиганты Франции, Чехии, Бельгии, Голландии выплескивали потоки оружия. Нацисты получили уникальную возможность не считаться с потерями техники, без счета засыпать русских бомбами, снарядами, сплошными очередями опустошать магазины автоматов, вставляя новые.

Подобное нашествие нашей стране довелось испытать впервые. Она была на волосок от гибели. И все-таки Господь ее уберег. Выстояли солдаты, преграждавшие собой дорогу бронированным лавинам, голодные старики, бабы и ребятишки, впрягавшиеся в плуги или занимавшие у станков места ушедших на фронт мужчин. Врага остановили, а потом и погнали прочь.

Планы по созданию «новой мировой системы» под предводительством Америки также оказались сорваны. Советский Союз вышел из войны не измочаленным, не «на костылях», как виделось режиссерам трагедии. Произошло невероятное: он усилился — не банковскими счетами, не ростом благосостояния (города лежали в руинах, люди недоедали), но невиданным сплочением, победным духом. Наши армии за несколько дней сокрушили Японию. СССР не только небывалыми темпами начал восстанавливать народное хозяйство, но и быстро создал собственное ядерное оружие.

Чаемый Западом однополярный мир тогда не состоялся.

Философ о философе

В. ШЕРВУД. «ПОРТРЕТ Ю.Ф. САМАРИНА». 1872.

Прощание с Гегелем

В жарких мировоззренческих спорах второй половины XIX — начала XX века те из наших соотечественников, кто придерживался монархических, славянофильских, далеких от грубого материализма взглядов, часто апеллировали к ясным, четким и честным трудам Юрия Самарина. Об основных эпизодах его судьбы читателям «Своего» рассказывает известный современный философ, заведующий кафедрой философской антропологии МГУ, профессор Федор ГИРЕНОК.

ЮРИЙ Самарин родился в Петербурге 21 апреля (3 мая) 1819 года. Его отец, Федор Васильевич, служил шталмейстером при императрице Марии Федоровне. У нее же подвизалась в качестве фрейлины матушка будущего мыслителя София Нелединская-Мелецкая. Самарины слыли весьма богатыми людьми. Обширные земли им были пожалованы еще московскими царями.

Когда Федору Васильевичу Петербург надоел, он оставил двор, и все семейство переехало в Белокаменную. Самарины любили независимость и в то же время радели за державу. Государственная машина России, однако, все чаще давала сбои. Например, плохо работала в Прибалтике, на Кавказе, в Польше. Необходимо было ее чинить. Вот и занялся Юрий Са-

марин, когда пришел его черед, ремонтом этого чрезвычайно сложного механизма. «Революционный консерватизм» — последняя работа мыслителя. В 1875 году он находился в Германии, в Берлине. Съездил в Париж к больному князю Владимиру Черкасскому, навещал его. А возвращаясь, поранил руку — казалось бы, легко, пустячно. Однако в марте 1876-го умер от заражения крови. В тот момент в чужом и чуждом для него Берлине никого из родных и друзей поблизости не оказалось...

Впрочем, это печальное событие произойдет через десятки лет. А пока... Пятнадцатилетний Самарин поступает в Московский университет. Студенты в те времена ходили на лекции вместе с родителями. Либо с гувернерами. Юрию это претит, но приходится подчиняться общему правилу.

Рядом — Константин Аксаков, гегельянец, «старик» (на два года старше). Они подружились, и младший товарищ тоже стал гегельянцем. Аксаков водит дружбу с Белинским, этому примеру последовал и Самарин. Вместе с Константином они посещают вечера, на которых обсуждаются явления русской литературы с точки зрения гегельянства. Собравшаяся в кружки молодежь ночи напролет спорит о том, можно ли молиться

богу Гегеля так же, как Богу Нового Завета. Или этого делать не следует?

В те годы граф Сергей Уваров, проводивший реформы образования, отправлял наиболее пытливых, любознательных молодых людей за границу. Ненадолго. Вернувшись, те разбредались по разным кафедрам и утверждали

Граф С. Уваров

гегельянство в качестве ведущей силы интеллектуальной России. В 1840-е годы каждый студент мог доказать, что прусская монархия — высшая форма государственного развития. Ведь на это указывал сам Гегель!

Однажды Самарин пришел в гости к Петру Чаадаеву, на Басманную, где встретил Алексея

Хомякова и Петра Киреевского. Познакомились. Самарин, с ходу предположив, что новые знакомые тоже гегельянцы, стал разглагольствовать о формах спекулятивного мышления. Его тут же перебили и дали понять, что подобное сознание не адекватно повседневной жизни, а значит, нарушается принцип тождества бытия и мышления. В жизни, дескать, такой человек — русский, но в сознании своем — немец, на практике — православный, в теории же — как есть гегельянец. Хомяков избавил Самарина и Аксакова от увлечения Гегелем.

Самарин мечтал о профессорстве и много на эту тему теоретизировал. Его отец некоторое время понаблюдал за всеми этими «терзаниями» и заключил: хватит парню валять дурака, пора бы ему приобщиться к труду, 25 лет минуло, а ничего хорошего для России еще пока не сделал. Тот внял наставлению родителя и пошел в министерство юстиции, к графу Виктору Панину. Стал секретарем. Почерк у него был хороший, грамотность — и того лучше, вот и переносил он слова с серой бумаги на белую, с прибавлением, где это было необходимо, знаков препинания. В том же 1844-м перевелся в сенат. Но и там оставался на мелкой должности.

Каждый день с 9.30 до 15.00 переписывал бумаги и попутно знакомился с внутренним устройством государственного аппарата Российской империи. Быстро осознал, что Петербург — это не Москва, что народ в столице (северной, вестимо) иной — «прогрессивный», ушлый, потолковать, как прежде, о жите-бытье в этом городе практически не с кем. Заскучал, слегка захандрил: «Здесь решительно не с кем поговорить, даже поспорить, до чего ни коснись, непременно наткнешься на такие основания, которых никоим образом мыслью поколебать нельзя; чувствуешь, что здешний

ФОТО: РИА НОВОСТИ

мыслящий человек получил другое воспитание, что его интересует другое, что, наконец, вся жизнь его, мысль, сочувствие, деятельность направлены не в ту сторону, в которую смотрим мы. Охота спорить пропадает, молчишь и с внутренней досадой пропускаешь мимо ушей оскорбительные, полные надменного пренебрежения отзывы о нашей старине, о нашей вере, о русском народе вообще».

Знал бы он тогда, с чем столкнется всего лишь через пару лет... Находясь на службе уже в министерстве внутренних дел, летом 1846-го Самарин отправился в Ригу и там увидел следующее: «Небольшое число граждан, немцев по национальности, составило братство, которое, ссылаясь на старинные привилегии, завладело всеми должностями городского управления, несмотря на то, что оно составляет только пятидесятую или даже сотую часть всего числа русских обывателей... Мещане же и ремесленники греко-российского исповедания не причисляются даже к малой гильдии и не принимаются в цехи». Эти и другие подобные наблюдения он изложил в своих, ставших впоследствии знаменитыми, «Письмах из Риги».

Когда «Письма» прочитали в Москве, пошла гулять молва: немцы в Прибалтике угнетают русских. Слух добрался вскорости и до царя, тот потребовал отчета у губернатора остзейских земель. Последний же представил дело так: Самарин разжигает национальную рознь, стравливает немцев и русских, а заодно разглашает служебную информацию. Нарушитель общественного спокойствия был вызван к министру. Поняв, что назревает опасный скандал, зашел в церковь Всех скорбящих, помолился за себя и за родных, а потом пошел к начальству.

Его посадили в Петропавловскую крепость, дали ему сигареты, вино, чай, белье. Отец Самарина попросил помощи у императрицы. Через 12 дней Юрия Федоровича привели из каземата к царю — для беседы. Император обвинял, а Самарин оправдывался. Николай I внушал: мы — православные; инородцев обижать негоже; из немцев делать русских не следует;

надо сближать народы, а вы их ссорите, создаете почву для недоверия правительству, намекаете на то, что оно окружено немцами и в нем самом заседают одни немцы; да это же бунт; вы ведете себя, как декабрист. «Я вас хочу не казнить, а спасти», — сказал царь на прощание, обнял его и отпустил на волю.

«Умен, но у него ум фальшивый», душа бумажная, — так о Самарине отзывался Борис Чичерин, которому «Письма из Риги» пришлось явно не по душе (как, впрочем, и другая самаринская работа — «Окраины России»). Что не понравилось Чичерину?

Самарин, видите ли, не желает понимать и принимать особенное положение немцев в Прибалтике и их насущные интересы. Напротив, ясно и четко формулирует задачи русского государства в этом регионе.

Чичерин — демократ, для него предпочтительнее позиция немцев: те «всего лишь» следуют сложившимся, унаследованным от предков традициям. Самарин эти традиции не уважает и призывает изменить существующие порядки в интересах Российской империи. Чичерин — против подобных преобразований. Более того, он желает независимости для немцев в составе русского государства. Самарин выступает за справедливость и универсализм законов, а Чичерин требует известных привилегий. Самарин — унитарист. Чичерин — федералист.

Чичерин пугает произволом российских чиновников. Ему ближе произвол немецких бюрократов и понятно их нежелание впускать на прибалтийские земли русских управленцев. Самарину важны не чиновники сами по себе, а возможность осуществления через них интересов Российского государства.

Защищая немцев, обвиненных Самариним в дискриминации русских, Чичерин допускает, что последние сами виноваты: они слишком податливы, такова их природа, и с этим ничего, дескать, не поделаешь. Самарин предлагает государству защищать русского человека, а с позиции Чичерина это недопустимо.

Самарин приводит примеры нечестивых способов воздействия прибалтийских немцев на правительство — подкуп, лоббирование, шантаж — и призывает покончить с этими безобразиями. Чичерин оправдывает окольные и зачастую темные пути воздействия немцев на российскую власть тем, что законными способами влиять на нее невозможно.

«Славянофильское учение было произведение досужих московских бар, дилетантов в науке. Никакого самосознания в русском обществе они не пробудили, а напротив, охладил патриотические чувства тех, которые возмущались нелепым превозношением русского невежества перед европейским образованием», — писал либерал и просвещенный человек Чичерин. По его мнению, Самарин был ретроградом, поскольку допускал вероятность происхождения науки из односторонних начал католицизма и протестантизма. Чичерин же полагал, что религия не может породить науку, ибо рационализм противоречит религии.

Макс Вебер пять десятилетий спустя исправит ошибку западника Чичерина, умершего с твердым убеждением в том, что никакое просвещение не может «родиться из недр православного скудоумия».

В зрелые годы Самарин — ученый, аналитик, он защитил диссертацию и пользовался большим уважением в обществе. Чаадаев предлагал ему дружбу и заманивал к себе. Герцен раскланивался с ним и считал своим, западником, выделяя среди остальных: мы же умные люди, не так ли, а в славянофилах есть что-то «ретроградное, негуманное, узкое». Герцен преисполнился уверенности в том, что они скоро поймут друг друга. Ошибся. Самарин выбрал Хомякова, а Герцену написал письмо, которое тому сильно испортило настроение. И он отстал от Самарина, убежденного в том,

что Европу объединяет по большому счету одно — «желание всякого зла России».

В 1864 году Юрий Федорович путешествовал по Старому Свету. Наконец, приехал в Лондон, а тут — Герцен. Они встретились, обнялись, беседовали пять часов. Между собой выяснили, что Самарин не любит поляков и Чернышевского; обвиняет Герцена в подготовке революции, в том, что он своей пропагандой иссушил мозг, ослабил нервную систему целого поколения и не хочет понять различий между контрактом и доверием; а политическая система в России

Герцен говорил о своей приверженности к либеральным ценностям. «У вас не ценности, а революционная чечотка, — был ответ Юрия Федоровича, — вас лечить надо...»

основана именно на доверии между властью и подвластными, тогда как западная — на контракте... Герцен говорил о своей приверженности к либеральным ценностям. «У вас не ценности, а революционная чечотка, — был ответ Юрия Федоровича, — вас лечить надо...» В итоге они разругались и разъехались.

Самаринская технология письма интертекстуальна: основу текстов преимущественно составляют цитаты, открытые и скрытые, а пространство между ними заполняется комментариями, «голосом» самого Самарина. Но и в этом «голосе» легко различимы интонации Хомякова и Киреевского. Явственно слышатся и такие высказывания, которые выражают авторскую позицию не сами по себе, а опосредованно — через их критику, интерпретацию, подытоживание.

Вот, скажем, прочел Самарин книгу Ростислава Фадеева о будущем России, и ему стало страшно. Фадеев различает общество и государство. Первое, по его мнению, предполагает некоторую критическую массу людей, готовых добровольно выполнять законы. Второму эта масса в принципе не нужна, оно само гарант исполнения законов. Государство разрушать никак нельзя, считает Фадеев (и Самарин, как нетрудно догадаться, с ним совершенно в этом солидарен). Оно одно нас связывает. Без него распадёмся, получим хаос и пустоту, заполняемую обрывками мыслей, осколками слов и фраз. Тем более нельзя смотреть в сторону Запада: «глиняный горшок не спутник железному», а мы — «глиняные». Что может скрепить народ дополнительно, раз уж мы не являемся обществом законопослушных граждан? Фадеев в этом смысле возлагает надежду на дворянство, на то, что оно превратит народ в нацию, не позволит нашей общности распасться. А значит, не нужны нам реформы, разрушающие самый быт дворянина. Его нужно вернуть к власти, и все успокоится. Ведь дворяне — это «сознательная консервативность», которая может связать стихию народа.

Такой ход мысли вызвал возражение Самарина, весьма родовитого дворянина, не любившего, однако, дворян как класс. Между царем и народом не должно быть никакого посредника, полагал он. Ведь посредник несет в себе ограничение власти монарха. Ограничиваем — значит не доверяем. А если нет доверия между властью и народом, то это будет уже совсем другая политическая система — контрактная, а не самодержавная. Самарин делает вывод: за консерватизмом Фадеева скрывается революция. Или, как говорил Юрий Федорович, «рационализм в действии». Такой рационализм, полагал он, нам не нужен.

Лестница в небо

Ксения Ермишина

2016-й, объявленный у нас Годом Греции, знаменателен юбилеями двух выдающихся религиозных деятелей, непосредственно связанных с русской миссией Святой Горы. Православный мир отметит 120-летие со дня рождения мыслителя, богослова, художника, архимандрита Софрония (Сахарова) — ученика одного из самых почитаемых святых XX века преподобного Силуана Афонского, чье 150-летие также приходится на этот год. Расскажем сегодня о первом из них.

АРХИМАНДРИТ Софроний обладал, по его словам, редкой в минувшем столетии привилегией: долгие годы жил в пустыне на Афоне — подобно древним святым, не заботившимся о пище и воде, обитавшим в таких местах, где и то, и другое было труднодоступно. Он скончался в 1993-м в возрасте 96 лет, дождавшись окончания «коммунистического» периода в России...

Будущий схиархимандрит родился в Москве 22 сентября 1896 года. Сергей Сахаров с детства увлекался живописью, подолгу, «часов не наблюдая», рисовал. Пережил серьезный религиозный кризис: через восемь лет активного приобщения к мистическим практикам Востока вдруг с ужасом обнаружил ущербность собственного духовного опыта. Все последующие годы жизни находился в чрезвычайном напряжении покаяния, в искании Вечного Бога.

После революции 1917-го оказался в эмиграции, во Франции, где продолжил заниматься живописью. Работы Сахарова выставлялись в престижных салонах, куда подобный допуск был лишь у признанных мастеров. Однако подлинного удовлетворения от искусства он не получал. Наконец решил прекратить занятия, ставшие основной страстью и содержанием его жизни, уехать на Афон и постричься в монахи.

В 1925-м прибыл на Святую Гору, поселился в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре и в 1927 году принял постриг.

Инок Софроний познакомился с преп. Силуаном в 1930-м, а через пять лет принял великую схиму — высшую степень монашеского посвящения, предполагающую всецелое отречение от мира, непрестанный пост и молитву. По смерти преп. Силуана ушел в Карулю — афонскую труднодоступную для людей пустыню. В общей сложности он был учеником преподобного восемь лет. И такой же срок прожил в пустыне, непосредственно усваивая в духовной борьбе с самим собой драгоценный опыт, полученный от наставника.

В 1947 году о. Софроний покинул Афон. В Европе, исполняя завещание своего учителя, стал готовить к изданию его рукописи и столкнулся с тем, что они нуждаются в теологическом комментарии. На это ему указал богослов Владимир Лосский, сын знаменитого философа-интуитивиста. По мнению Владимира Николаевича, без предисловия и комментирования публиковать записки преп. Силуана не имело смысла, поскольку далеко не каждый способен понять ценность и силу сложных вещей, выраженных простыми словами.

Так появилась на свет книга под скромным названием «Старец Силуан». Она переведена ныне на 22 языка, а в России выдержала более трех десятков переизданий. Этот труд изменил жизнь немалою числа людей — кому-то помог обратиться к истинной вере, а кого-то — под впечатлением от образа преп. Силуана — и вовсе сподвиг на монашество. Книга дает ответ на мучительный для многих вопрос — о возможности непротиворечивого сочетания науки и религии, философского дискурса и языка богословия, рациональных толкований и мистических откровений.

Святых отцов архим. Софроний читал в оригинале, на греческом,

Архимандрит
Софроний (Сахаров)

одновременно интересовался и современной ему философской мыслью. Творчески осмыслял Бердяева, Франка, Канта и других авторов, писавших о личности, свободе, божественном начале в человеке, опыте богоборчества, литературе и искусстве.

В 1959-м в Англии, в графстве Эссекс, недалеко от Лондона, архимандрит Софроний основал монастырь, где подвизались представители без малого двух десятков национальностей.

Со всех концов земли к нему приезжали люди, ищущие духовного просвещения. В России пользуются большой популярностью его

книги «Видеть Бога как Он есть», «Таинство христианской жизни», «О молитве», «Духовные беседы», «Письма в Россию», «Подвиг богопознания».

К читателю он обращается в основном не с позиции учителя, тонко чувствующий ритм эпохи и ее проблемы: «Я не боюсь серьезно ошибиться, предполагая, что в наше время миллионы людей самых различных пластов и национальностей живут в трагическом круге противоречий, в той или иной степени аналогичных моим».

Решаясь писать о себе (что, в общем-то, не принято было в среде подвижников), объясняет свою позицию так: «Мой путь, мои опыты... раскрыли для меня трагизм положения миллионов людей, рассеянных по всему лицу Земли. Не исключена возможность, что моя исповедь, вернее — моя духовная автобиография, облегчит хотя бы некоторым из них поиск благоприятного решения в постигающих их испытаниях».

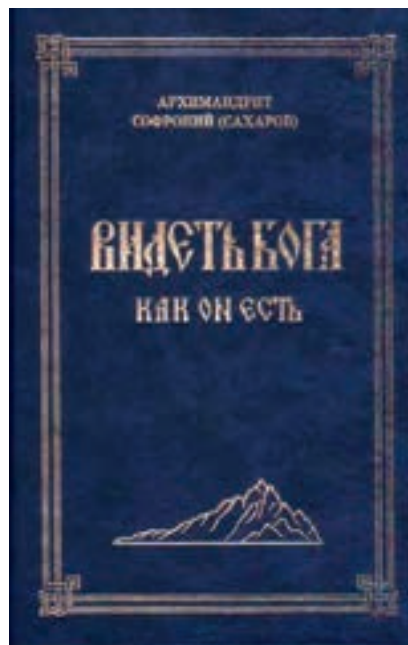
С огромной любовью и состраданием, сочувствием к современному человеку он обнажает сокровенные тайны внутренней жизни святых. Раньше жития рассказывали о них, как о неких небожителях, избранниках, достичь уровня которых невозможно простым смертным. О. Софроний открыл новый жанр агиографии, позволяющий муки и борения подвижника представить более понятными, похожими на те, что может испытать любой из нас. Существенное отличие лишь в том, что святой идет до конца по пути к Богу, честно и жертвенно старается выполнить Его волю.

На этой стезе его подстерегают опасности богоборчества и богооставленности, поэтому тема атеизма становится огромной духовной проблемой, требующей решения. Прежде, размышляя о страданиях людей, молясь за них с плачем, о. Софроний невольно допустил мысль: как же Бог взирает на все

СИМВОЛ ВЕРЫ

эти ужасы, если даже ему, простому человеку, невыносимо думать о них. И в его сердце прозвучал кроткий глас: «Разве ты распялся за них?» Этот ответ потряс мыслителя, вмиг осознавшего, что молитва за людей есть дар Бога, с ее помощью открывается отношение Господа к миру, что в бедах и несчастьях, войнах и других проявлениях зла основным виновником выступает человек, которому дана полная свобода самоопределения в земной жизни.

Учитель, преп. Силуан, с темой богооставленности также столкнулся в начале своего духовного пути. После долгих молитв, не получив помощи, он подумал: «Бога умолить невозможно», и ум его погрузился во мрак одиночества. В таком состоянии будущий праведник вошел в храм. И вдруг увидел Христа, Который как бы передал ему Свое состояние. (Это именуется «обожением» и является главной целью трудов подвижника.) Он предпринял титанические усилия, чтобы удержать полученный дар, но не мог. Придя в изнеможение, обратился к Богу и получил ответ: гордые всегда страдают от злых сил. Старец в тот момент попросил Спасителя научить его смирению и услышал: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Получив такое извещение, преподобный осудил себя на адские муки, истово каялся и одновременно укреплялся надеждой на спасение. Любая греховная мысль была опалена по приближении к его внутреннему аду. Отчаиваться преподобный себе не позволял. Он пришел к особому сознанию, схожему с мироощущением, описанным в Евангелии. При этом исчезает всякая вражда к кому бы то ни было, а главным мерилом душевного расположения (и даже более того — истинности, праведности жизни) является любовь к врагам — к тем, кто завидует, клеветает, ненавидит. На подобное великодушные способны только очень сильные духом. Обладая высшим даром — любовью, благодатью, по-

знанием, — человек страдает тем, кто лишен этих благ.

Преп. Силуан выражал горячую заинтересованность в том, чтобы все люди воспринимались как единое многоличностное (многоипостасное) существо. Такой взгляд требует молитвы за весь мир и за каждого живущего или жившего когда-либо на земле.

Архим. Софроний перенял молитву «за всего Адама» (за все человечество), но особенно усердно молился за Россию. В то время шла «холодная война», и за приверженность к Московскому патриархату там, вдали от Родины, можно было серьезно пострадать. Несмотря на гонения, вызванные объявленной им позицией, он всем проповедовал о том, что церковь в России — мученица. Тогда многие воспринимали Московский патриархат как часть государственной репрессивной машины. О. Софроний говорил: церковь в плену у атеистического, крайне враждебного к ней государства, поэтому дополнительные обвинения только на руку ее врагам. Особенно переживал о родной стране в годы Второй мировой войны: «Часами рыдал я в моих молитвах «о мире всего мира», больше же всего за Россию, за русский народ, которому грозила наибольшая опасность едва ли не полного уничтожения».

В период противостояния двух мировых систем архим. Софроний чудом смог восемь раз посетить СССР. Прежде всего он видел не пафосный атеизм, не порушенные монастыри и не многочисленных маловеров из духовной среды, оказавшихся под сильнейшим государственным прессингом. Наблюдал саму суть тех событий и явлений: в крайнем унижении, подобном поруганию Христа на Голгофе, в России готовится воскресение церковной жизни. Он оказался прав: в XX столетии у нас появилось такое количество мучеников и святых, какого не дали и первые века гонения на христианство.

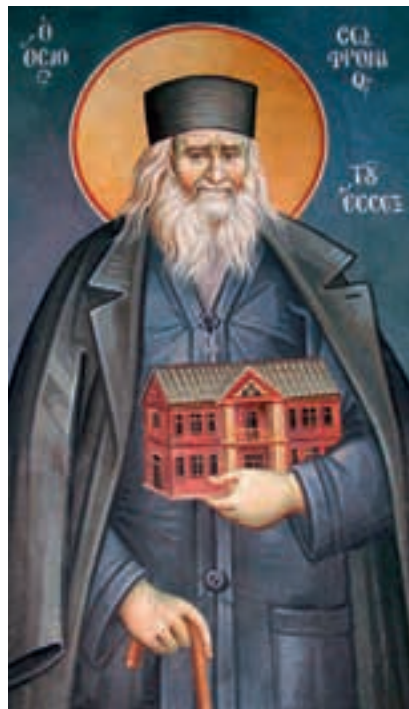
Одной из главных тем его учения стала идея подлинного Бытия: человек должен не просто стать личностью в смысле социального самоопределения (это лишь начальная ступень к истинному самосознанию), но попытаться ощутить всю историческую жизнь человечества как свою собственную. Старец учил: «Наши страдания мы не должны делать нашими страданиями, а смотреть на них шире, как на часть страдания всего человечества. Не надо замыкаться на эгоизме: «Я бедный, я страдаю!» Но если мы посмотрим широко, то увидим, что тут же за стенкой кто-то еще больше страдает». Сознание человека в идеале может подняться до Божественного уровня. Однако для этого нужно иметь «евангельское сердце» — без смирения и любви все разговоры о богоподобии есть люциферанство.

Особое внимание он обращал на искренность. Советовал быть честными и перед Богом, и перед самими собой, поскольку лицемерие стало частью душевного состояния нынешних поколений. Другая черта современности, грозящая остановить духовный рост, — материальное идолопоклонство, преклонение перед комфортом. Наиболее ценное свойство христианина — мужество и терпение в скорбях. Признак душевной деградации — отчаяние и саможаление. Путь православия — стремление к гармонии разума и сердца. Это ведет к подлинной, христианской любви и в то же время отличает нашу веру от восточных учений, а равно атеизма, в которых на первое место ставится разум, а чувства презираются как низшие психические функции.

Православная молитва — не что иное, как наивысшее творчество, открытость Вечности, предстояние перед Лицом Спасителя. Кто научился столь сложному искусству, как правильная молитва, тот достиг совершенства. Преп. Силуан определял это краткой формулой: «Совершенные ничего не говорят

от себя, но только то, что дает им Святой Дух».

Все книги и духовные беседы о. Софрония — одно большое пособие по спасению души. Сам он до конца своих дней пребывал в непрестанном творческом поиске. Так, например, будучи 92 лет от роду, забирался на леса в строившемся монастыре и расписывал стены. Его иконы и фрески, а также чертежи и эмблемы в Эссексе являются произведениями высокого искусства, они

вдохновляют современных художников. Архим. Софрония можно считать блестящим представителем Серебряного века, со многими деятелями которого он был лично знаком и в России, и в эмиграции. Подчеркивая, что христианство — вне времени и пространства, все-таки ощущал себя истинно русским человеком, представителем аристократической, интеллигентной среды. С большим волнением ожидал слова России и Русской церкви о своих трудах. В наши дни они с благодарностью принимают его наследие. Каждый год выходят новые книги, посвященные о. Софронию и его работам.

Он скончался в день памяти преп. Сергия и Германа Валаамских (11 июля) — как и его учитель, старец Силуан, почивший в день, когда церковь поминает этих же святых (24 сентября). Сегодня на Валааме подвизается ближайший ученик и келейник архим. Софрония схиигумен Серафим (Барадель). Настоятель самого большого на острове скита Всех Святых о. Серафим принес в Россию традицию духовного наставничества, которую усвоил благодаря о. Софронию. Тот мечтал вернуться на Родину лично, но не сумел. Сюда он возвратился в лице своего преемника и в виде замечательных духовных творений.

Монастырь Святого Иоанна Крестителя в Эссексе

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Н. Бурденко. 1936

Отец хирургам

Андрей Самохин

Имя академика Николая Бурденко для наших медиков — практически синоним национальной нейрохирургии, военно-полевой врачебной помощи. А также Академии медицинских наук, основателем которой был именно он. Для пациентов это знакомая марка множества больниц, и в первую очередь Главного военного клинического госпиталя Минобороны. Действительно, чьей еще фамилией называть центральную воинскую лечебницу, как не этого врача, ученого, развивавшего свою науку на полях пяти войн? Относительно поздно познакомившись с европейской научной медициной, Россия за два прошлых века смогла дать миру несколько блистательных имен «детей Гиппократов», обогативших как теорию, так и практику всемирного здравоохранения. Родившийся в 1876-м, за пять лет до смерти великого Пирогова, его выдающийся тезка (третий — вслед за ним и Склифосовским — Николай в этом списке) стал прямым продолжателем пироговской школы.

Госпиталь в Москве. 1914

Бурсак-анатом

В селе Каменка Пензенской губернии у него, сына управляющего маленьким имением, не было больших перспектив. Но если человек с детства настойчив и пытлив, то ему и Бог помогает. Коля Бурденко оказался именно таким. Пятилетним сам явился в школу и стоял под дверью класса до тех пор, пока учитель не уразумел: от настойчивого малолетки не отбойриться, придется его «в грамоту брать». Спустя годы пришел черед Пензенского духовного училища — родители хотели, чтобы Николай стал священником. А затем он сдал на «отлично» вступительные экзамены в Петербургскую духовную академию. Но дух врачевания толкнул под бочок, и юноша круто поменял жизненный маршрут: отправился в Сибирь, поступил на новый факультет Томского Императорского университета — медицинский. Знаний, полученных в «бурсе», для этого вполне хватило.

Первый обморок в анатомичке вылился — через волевое преодоление — в увлечение анатомией. А далее — в назначение помощником прозектора, и теперь уже он оказывал моральную помощь студентам, слабевшим при одном только виде рассеченного трупа.

Немало их Николай потом насмотрелся за свою жизнь, но еще большему числу людей не дал своим искусством превратиться раньше времени в бездыханные тела.

Он любил русскую классическую литературу. Еще учась в Пензе, этот бурсак удивил собравшихся на очередном вечере — прочел по памяти почти целиком «Евгения Онегина». Так же наизусть мог декламировать позже рассказы Лескова, чье творчество особенно любил. А однажды переписал в свой дневник из чеховского «Дома с мезонином» фразу, которой потом руководствовался всю жизнь: «Человек должен сознавать себя выше львов, тигров, звезд, выше всего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудесным, иначе он не человек, а мышь, которая всего боится».

Может быть, те же волевые установки толкнули его и на участие (скорее «солидарное», нежели активное) в студенческих беспорядках, приведшее к исключению из университета. Впрочем, вынужденная практика в нижеудинской больнице пошла ему только на пользу, обогатив ценным опытом и даже первой научной работой по народной медицине Восточной Сибири.

Героический медик

Николай Бурденко подал прошение о восстановлении и снова вернулся в Томский университет, однако вскоре его имя (на этот раз случайно, по недоразумению) появилось в списке забастовщиков, вследствие чего он вынужден был перевестись в Юрьевский (Дерптский) университет, дабы закончить официальное образование. В академический курс вошли не только лекции

Санитарный поезд. Москва. 1914

Солдатенковская больница.
Москва

в уютных аудиториях, но и тяжелый труд «полевых» экспедиций в глубинку империи, где боролись с эпидемиями черной оспы, тифа, скарлатины.

Почти год он проработал в колонии для больных туберкулезом детей, а в январе 1904-го студент Бурденко отправился добровольцем на Русско-японскую войну. В составе «летучего санитарного отряда» как помощник врача спасал раненых. В бою у маньчжурской деревни Вафангоу герой, рискуя жизнью, перевязывал бойцов под плотным ружейным огнем и сам был ранен в руку, за что получил Георгиевский крест. Беспорядок и неразбериха в санитарной службе, которые будущий академик тогда наблюдал, показывали, что ситуация несильно изменилась со времен Крымской кампании, — с этим боролся еще Николай Пирогов.

Обладая аналитическим умом и организаторской волей, Бурденко целеустремленно развивал административные пироговские принципы на всех следующих войнах, в которых ему довелось участвовать: Первой мировой, Гражданской, Финской, Великой Отечественной.

В обеих столицах еще не отшумели патриотические манифестации по случаю начала войны со злыми тевтонами, а он уже на фронте. В наступлении на Восточную Пруссию, в Варшавско-Ивангородской опе-

рации создает перевязочно-эвакуационные пункты и полевые госпитали, «на конвейере» оперирует пострадавших.

Организует по методикам великого предшественника сортировку и эвакуацию более 25 000 воинов, впервые в полевой хирургии применяет первичную обработку раны и накладывание шва при травме черепа, занимается санитарной профилактикой, рациональным распределением врачей и фельдшеров. По его плану в лазаретах создаются отделения для раненных в живот, легкие, голову.

Летом 1917 года Николай Нилович после контузии вынужден вернуться в Юрьевский университет, где его избирают заведующим кафедрой хирургии. Две русские революции как будто не отражаются кардинально на его деятельности. В том или ином ампула он по-прежнему на передовой — оперирует и организует.

После большевистского переворота немцы оккупируют Эстонию, ставят перед успешным врачом выбор: остаться среди русской смуты или на прекрасных условиях получить должность и клинику. Бурденко выбирает первое, эвакуируется с имуществом юрьевской больницы в Воронеж. Там, преодолевая послереволюционную разруху, активно участвует в созда-

нии военных госпиталей РККА и помощи раненым на фронтах Гражданской войны. В 1920-м по инициативе Николая Ниловича в Во-

ронезе учреждается Медицинское общество имени Н.И. Пирогова, председателем которого избирают, естественно, его самого. Императорская или красная, Россия оставалась для Бурденко Родиной. И больные, нуждавшиеся в нем, говорили, как и прежде, по-русски.

Главный советский военврач

В 1923 году его призывают в столицу, где в факультетской хирургической клинике Московского университета Николай Нилович открывает нейрохирургическое отделение. Через семь лет оно превратится в знаменитый Первый мед — 1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова. Хирургическая клиника при этом вузе, которую Бурденко возглавлял до конца жизни, носит его имя. А в 1932-м учреждается первый в мире Центральный нейрохирургический институт (ныне Институт нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко).

Николай Нилович становится автором первого «Положения о военно-санитарной службе Красной армии»; инициатором создания

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Комиссия Н. Бурденко в Катыни. 1943

кафедры военно-полевой хирургии на медицинском факультете Московского университета; членом Государственного ученого совета Главного управления профобразования; председателем Ученого медицинского совета Наркомата здравоохранения СССР. Но, занимаясь организацией высшего медицинского образования, главвоенврач советской России ни на секунду не забывает о неизбежном периоде войн, который вскоре и наступает.

В советско-финскую 64-летний Бурденко руководит системой медпомощи на передовой, в холодных карельских лесах. А в 1941-м принимает на себя обязанности главного хирурга Красной армии. В аду сражений под Ярцевом и Вязьмой твердой рукой выстраивает систему медсанбатовских операционных, эвакуационную логистику, лично проводит несколько тысяч операций.

Огромная заслуга его на посту главного военврача — массовое применение первых антибиотиков: сульфидина, грамицидина и пенициллина. В разгар войны он впервые в мировой медицине предложил лечить гнойные осложнения после ранений черепа и мозга, вводя в сонную артерию раствор белого стрептоцида, а затем создал методику профилактики и лечения болевого шока. Бурденко также от-

работал технологию вторичного шва как элемента восстановительной хирургии, способы операций на разорванных артериях и других сосудах, что резко снизило смертность и позволило раненым гораздо быстрее возвращаться в строй. При этом самого себя хирург несколько не жалел. Тяжелый инсульт с потерей слуха приводит его сначала в Куйбышев, в эвакуацию, затем — в Омск.

Доктор из плеяды бессмертных

В апреле 1942 года Николай Бурденко возвращается в Москву, дабы продолжить собственные научные изыскания. Ему присваивают звание генерал-полковника медицинской службы и назначают членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Именно он — руководитель комиссии по расследованию преступлений нацистов близ Катыни. Сегодня, когда якобы доподлинно установлена причастность СССР к расстрелам там польских офицеров (в чем продолжают сомневаться многие), особой нотой звучит свидетельство Николая Ниловича в письме Молотову от 22 сентября 1943-го, где доказательно утверждается: метод казни поляков в

Катынском лесу идентичен расстрелу немцами советских граждан в Орле. Позже это дало повод «либеральным» сторонникам версии о сталинской вине за Катынь прямо обвинить пожилого и никогда не лгавшего Бурденко в намеренном подлоге по заказу Берии. Бог им судья.

Выступая в июле 1943 года на антифашистском митинге ученых в Колонном зале Дома союзов, Бурденко сказал: «Я видел такую бездну человеческого горя, что старое, выдавшее виды сердце мое, пережившее японскую, Первую мировую и Гражданскую войны, содрогнулось от боли».

30 июня 1944-го по инициативе и плану Николая Ниловича учреждается Академия медицинских наук, подчинявшаяся Наркомату здравоохранения. Первым президентом АМН СССР избирается Бурденко.

Второй инсульт, отнявший речь, казалось бы, должен окончательно вывести академика из строя. Но огромная воля и желание быть полезным стране творят чудеса. Напряженными тренировками он восстанавливает способность не только говорить, но и руководить операциями, писать новые научные работы. Уже после Победы — летом 1946-го — следует третий удар: главный военврач страны балансирует на грани смерти. И даже в этом состоянии, едва выйдя из реанимации, он диктует ученикам свой последний доклад, который зачитывают притихшим участникам XXV Всесоюзного съезда хирургов.

Бурденко умер 11 ноября 1946 года. Хороня его с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище, многие коллеги и члены правительства понимали, что прощаются с хирургом из плеяды бессмертных.

Есть неуловимая грань, отделяющая просто первоклассного медика от великого русского врача. Николай Нилович явно перешагнул этот рубеж.

Русская Евразия

Омск. 1864

Полузабытая столица

Елена Мачульская, Омск

Прошлое Омска, одного из двух основных петровских городов, возникших в Сибири, таит много необычного. Здесь переплетаются европейское и азиатское, народная память и всеобщее забвение. Похоже, что особая судьба была определена ему изначально. Буквально предначертана.

ЕГО ОФИЦИАЛЬНАЯ история (условная точка отсчета связана с завершением строительства первых крепостных укреплений) началась ровно триста лет назад, в 1716 году. Но отнюдь не с чистого листа, как думают многие. У слияния двух рек — Оми и Иртыша — люди жили тысячелетиями. Недаром это место археологи именуют Сибирским Вавилоном. Каждый год находят все новые подтверждения того, что здесь до XVIII века проживало немалое количество этносов, селились десятки разных народностей, говорящих на своих языках. Например, обломки глиняной посуды, украшенные ромбическими и треугольными рисунками, — визитная карточка легендарных андроновцев. Ученые считают, что это были ираноязычные племена, потомки еще более прославленных ариев, покорителей Индии...

Здесь сходилась множество дорог, причем очень оживленных. В азиатских письменных источниках упоминается ответвление Великого шелкового пути, соединявшего Китай с Римом и Византией, которое шло как раз вдоль Иртыша.

Большинство сибирских городов — Тюмень, Тобольск, Томск, Тара — возникали в результате поступательного движения вперед, освоения новых территорий. С Омском было не-

сколько иначе. Основать город на Оми для защиты кочевий от степных калмыков и киргиз-кайсаков попросили местные ойратские правители, с которыми русским поселенцам удалось наладить дипломатические отношения. Ойраты пообещали платить ясак и оборонять город вместе с русскими. Потом с такой же просьбой неоднократно обращались тарские воеводы, стремившиеся защитить от набегов кочевников торговые пути и здешние поселения.

Наконец, 31 августа 1628 года царь Михаил Федорович издал соответствующий указ. Но его реализации пришлось ждать очень долго. От обустройства южных границ отвлекали то восстание Стеньки Разина, то Русско-турецкая война, то крымские походы. К тому же периодически в степи, где джунгары слхестнулись с восточномонгольской династией и казахскими ханами, становилось относительно спокойно, и строительство острога вновь откладывалось на неопределенное время. Так прошло почти сто лет.

Судьбоносным для будущего Омска оказалось изначально никакого отношения к крепости на Оми не имевшее «Доншение о пути к калмыцкому городу Еркету (Яркент на территории современного Китая. — «Культура»), где добывается песошное золото», которое сибирский губернатор Матвей Гагарин написал Петру I. Император решил направить туда военную экспедицию, а командовать предприятием поручил подполковнику Ивану Бухгольцу. В молодые годы тот состоял в потешном войске Петра, потом в качестве офицера Преображенского полка участвовал в Азовских походах, Северной войне, боях под Нарвой.

Итак, 22 мая 1714 года царь подписал указ, распорядившись построить город у Ямышева озера, центра добычи стратегического в те времена продукта — соли, с тем чтобы идти потом дальше, вверх по Иртышу.

В той экспедиции все было не благодаря, а вопреки. Сибирские гарнизонные полки, из коих предполагалось набрать солдат для предстоящего броска, существовали только на бумаге. «Во всем мне великое задержание, государь, — писал Иван Дмитриевич из Тобольска. — Суда и дощаники не готовы... оружие все негодно, рекруты не обучены, «экзерциции не знают», люди новые и «у дел нигде не бывали», «подлинова и вернова ведомца о песошном золоте близ Еркета господин губернатор мне не дал».

Гагарин фактически самоустранился, предоставив подполковнику одному осуществлять петровские предначертания. «А все оттого, — отмечал офицер, — что о мне к нему (Гагарину) вашего величества указу нет».

Боясь упустить время, Бухголец распорядился выступить из Тобольска. В июле 1715 года участники экспедиции погрузились в 30 дощаников и большие двадцативесельные лодки, после чего двинулись вверх по Иртышу. В Таре к ним присоединились драгуны, с берега охранявшие караван судов с провиантом и оружием от возможных нападений джунгар.

Продвигались медленно. К Ямышевскому озеру, у которого Петр I повелел заложить крепость (это место находится ныне в Павлодарской области Казахстана), экспедиционный караван прибыл 1 октября. На берегу небольшой речки Преснухи началось строительство оборонительных сооружений. Устроили ар-

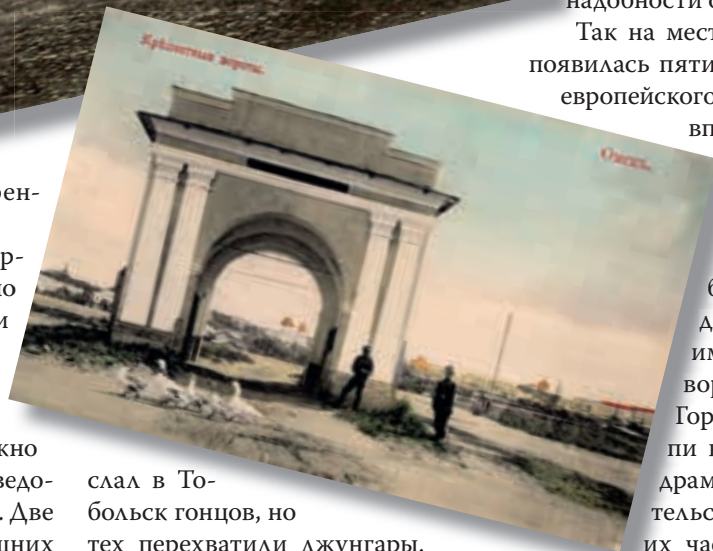
РУССКАЯ ЕВРАЗИЯ

тиллерийский острог и казармы, вокруг них поставили надолбы. Здесь и зазимовали. Солдаты — из тех, что явно не вдохновились этим походом с туманными перспективами, — продолжали разбегаться.

В феврале пришли джунгары — с вполне конкретными намерениями. Ведь их правитель Цэван Рабдан так и не получил загодя отправленного с поручиком Маркелом Трубниковым письма. В нем Бухгольц сообщал, что его экспедиция не преследует захватнических целей: крепости на джунгарской территории строятся в связи с поисками рудных ископаемых. Поручик-дипломат был захвачен в плен казаками, воевавшими с Джунгарией. А Цэван Рабдан расценил действия русских как свидетельство направленной против него политической коалиции Цинской империи с Россией. И двинул к Ямышевской крепости десяти тысячное войско под командованием своего брата Церен-Дондоба.

«В четвертую пятницу зенгорцами на крепость было учинено нападение. И хотя из крепости при многом сопротивлении они были выгнаты, но оне крепость со всех сторон так облезли, что никак невозможно было и губернатора об оном уведомить». Штурм длился 12 часов. Две с половиной тысячи вчерашних крестьянских парней под командованием царского офицера смогли отбить нападение в разы превосходящего войска. Однако крепость оказалась в осаде.

Решив держать оборону до подхода подкрепления, Бухгольц по-

слал в Тобольск гонцов, но тех перехватили джунгары. Помощь не пришла, среди осажденных начались болезни. Стало ясно, что в такой ситуации продолжать экспедицию невозможно. И как только на Иртыше закончился ледоход, Иван Дмитриевич приказал разрушить все крепостные со-

оружия. «Забрав все припасы на суда, следовали вниз по реке Иртышу и, дошед до устья реки Оми, которая с восточной стороны в реку Иртыш впадает, и остановясь при оной (Бухгольц) рапортовал князю Гагарину не повелено ль будет при устье Оми построить крепость, где б можно было людей и припасы для будущей надобности оставить».

Так на месте будущего Омска появилась пятиугольная крепость европейского типа, ставшая вполне достойным результатом безнадежного, в сущности, похода. Ведь ей суждено было послужить для Российской империи большими воротами в Азию. Город на границе степи возник при весьма драматических обстоятельствах. До сих пор их часто интерпретируют некорректно и противоречиво: во многих книгах написано, что Бухгольц остановился в устье Оми после поражения на Ямышево. Однако о поражении уместно говорить, когда проигран бой. Там же была тяжелейшая,

длительная осада, а все бои для русских завершились победно.

Чертежей первой омской крепости пока не найдено. Тем не менее у исследователей есть все основания полагать, что она напоминала Ниеншанц — шведскую, каменную, возведенную в форме пятиконечной звезды с пятью бастионами в устье Невы на Охтинском мысу. Ведь строительством укреплений в Сибири руководил инженер-поручик артиллерии Иван Каландер, попавший в плен во время знаменитой битвы русских войск со шведами под Полтавой. Профессор Федор Миллер писал: «Избрали место на южном берегу реки около 50 сажен от ее устья. Низкий земляной вал в фигуре правильного пятиугольника обнесен палисадом с пятью таких же болверков [бастионов] на углах, и со рвом, около которого поставлены были рогатки».

Своенравная Омь подмывала и разрушала береговые сооружения. Поэтому крепость простояла недолго, была разобрана и вскоре забыта — подобно многим другим фактам и свидетельствам, относящимся к основанию Омска. (Первой крепостью сейчас чаще считают ту, которую построили в 1717 году на более высоком месте, на левом берегу Оми, по чертежам, разработанным в Тобольске.)

Как бы то ни было, первыми русскими жителями этих мест оказались военные. После отъезда Бухгольца в Петербург здесь остались две роты драгун под командой майора Вельяминова-Зернова. Крепость

была призвана стать и стала форпостом на южном направлении развития России. Город, которому она дала начало, сделался центром сначала Западно-Сибирского, а затем Степного генерал-губернаторства. Отсюда управляли третьей частью Российской империи. В праздники над генерал-губернаторским дворцом поднимали государственный флаг — столь почетное право было предоставлено Омску наряду с Петербургом, Москвой, Варшавой и Тифлисом.

Военная столица огромного региона являлась главным опорным пунктом русского продвижения в Среднюю Азию. Один из офицеров, служивший здесь в середине XIX века, отмечал в своих воспоминаниях: «Омск кажется постоянно укрепленным лагерем Сибири, или поселением: ибо жителей здесь, кроме военных и служащих по другим ведомствам, иных почти не заметно». А еще его называли городом, обращенным, как двуликий Янус, одним лицом к Сибири, холодному Северу, а другим — в Степь, знойное пространство Юга.

Превращение в смутные годы в столицу Белой России, кажущееся некоторым историкам случайностью, «зигзагом судьбы», было предопределено — всей предшествующей историей. Ведь к тому моменту за Омском прочно закрепился статус военно-административного центра Западной Сибири. Его инфра-

структура включала в себя резиденцию губернатора, региональное правление, штаб военного округа, дипломатические представительства — с 1916-го в Омске находились представители Дании, Швеции, Англии и США. К тому же он был ближе к Европе, чем другие крупные сибирские города.

За статус Белой столицы ему пришлось расплатиться сполна. Центром Сибири позднее стал Новосибирск, в развитие которого в советские годы вкладывали несметные ресурсы. Омск отодвинули в тень, в некоторое забвение. Отношения с собственной богатой историей тут до сих пор весьма «неопределенные» — слишком многое запамятовали. Но хотя бы в год 300-летнего юбилея об этом забытом следовало бы напоминать.

Возвращение имени

БРИТАНСКАЯ КАРИКАТУРА ВРЕМЕН АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ

Защита Вандама

Ксения Швед

Имя Алексея Вандама (Едрихина) в советское время было «забыто». Русский военный разведчик, выполнявший свои миссии в Трансваале (во время Англо-бурской войны), на Дальнем Востоке и в Европе, блестящий аналитик, способный в кратчайший срок овладеть любым языком и в нужный момент точно оценить качество взаимоотношений России и Запада, он стал, по сути, основоположником нашей геополитической науки. На родине ему выпала участь Кассандры: к его предостережениям в верхах не прислушались. Самой большой трагедией для него было то, что главные, наиболее тревожные предвидения сбылись. А могло сложиться совершенно иначе — если бы Российская империя не вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты...

ЖИЗНЕННЫЙ путь этого человека уникален. Алексей Едрихин родился 17 марта 1867 года в Минской губернии, в бедной многодетной семье простого солдата, однако со временем сделал блестящую карьеру, поднявшись на самый верх социальной лестницы. Поначалу ничто не предвещало успеха: семнадцатилетним он был зачислен как вольноопределяющийся в 120-й пехотный Серпуховской полк. Зачисление по третьему разряду свидетельствовало о крайне низком уровне образования. Серые буд-

ни, тяжелый труд с унылой муштрой могли продолжаться на этом поприще десятки лет. Максимум, чего достиг бы Едрихин, да и то при самых благоприятных обстоятельствах, — звания ротного командира.

Через два года, предварительно осилив большой объем знаний, он становится студентом Виленского пехотного юнкерского училища. Спустя некоторое время получает чин офицера. Затем учится в Николаевской академии Генерального штаба, куда с трудом поступали даже дети знати. Перед выпускником академии открывались перспективы службы при Генштабе, но не это влекло Едрихина.

В 1899-м он просит разрешения отправиться добровольцем в Южную Африку для участия в военных действиях на стороне буров. Прошение было удовлетворено. Алексей Ефимович стал военкором и разведчиком, наблюдателем от России в Трансваале. Англо-бурская война фактически послужила началом основных кровавых драм XX века. На юге Африки были апробированы некоторые особенно жестокие методы борьбы с противником. Так, впервые появились концентрационные лагеря для мирного населения: англичане создавали их, чтобы пресечь деятельность партизанского подполья.

Отправляясь на Черный континент, Едрихин прежде всего намеревался проверить «в полевых условиях» свою геополитическую теорию, сложившуюся незадолго до этой «командировки». Новейшую историю народов Европы он рассматривал как постоянную арену борьбы за самосохранение, где побеждает умнейший, тот, кто способен четко формулировать цели, избирать верную тактику, вырабатывать высшую стратегию — политическую концепцию. Всем этим качествам, по его мнению, отвечает владычица морей Великобритания, или шире — англосаксонская нация, господствующая и в США.

А. Вандам (Едрихин)

Столетиями англосаксы оттачивали навыки собственного выживания и подавления других народов, искусно стравливали европейские государства, поставляли воюющим сторонам всевозможные товары. Крупные европейские войны были выгодны, как правило, только Англии, стремившейся доминировать в мире.

Беда России в том, что у нас слабо понимали основные государственные задачи и не видели главного противника. Цель нашей страны — выход к теплым морям, экспансия по всем направлениям. Это уже достигалось несколько раз, например, после открытия

русскими мореплавателями Алеутских островов и Северо-Западной Америки. Русская Америка не состоялась из-за недалекости правительства, которое практически даром, без сопротивления отдало англосаксам Аляску, земли, ставшие впоследствии штатами Вашингтон и Орегон. То же самое произошло при освоении Дальнего Востока. Оставалось только взять Маньчжурию, которая несколько не сопротивлялась, чтобы Россия получила выход через Желтое море ко всем важнейшим торговым путям Азии. Мы могли бы господствовать на Тихом океане, как англосаксы в Атлантике.

Русским следовало распространить свое влияние на Китай, но они спасовали перед цифрой: «Четыреста миллионов все-таки серьезная вещь!» Англичане подобных мистических страхов не испытывали — «овладели сначала Индией и безбоязненно посадили над тремястами миллионами ее семьдесят тысяч своих чиновников», а затем взялись за Китай.

Наше правительство не утвердило собственное господство в Северной Америке, зато щедро пролило русскую кровь в Европе, не выгадав для России ни малейшей пользы. По словам Едрихина, «задача эта не была понята нами и к

Отряд буров времен войны 1899–1902 гг.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ

самому важному историческому моменту... В одной стороне — за Тихим океаном — оторвавшаяся от государства огромнейшая творческая сила в титанической борьбе с туманами, бурями, дикарями и белыми бандитами... выравнивала и уплотняла почву для англосаксов Америки; в другой — на полях Италии, на высях Швейцарских гор, под Шенграбенем, Аустерлицем, Прейсиш Эйлау... доблестнейшая из всех армий собирала камни для пьедестала английскому величию».

Задача ясна, считает Алексей Ефимович: противостоять англосаксам, которые и есть главные противники России в приближающейся мировой войне. Они такжевыми останутся на всем протяжении XX века. И будут преследовать все ту же цель — отбросить нашу страну от теплых морей, отрезать от всех удобных торговых путей, выдавить из Туркестана, потеснить в Сибири, запереть русских в холодных, бесперспективных для экономического развития землях Севера. Свою задачу англосаксы, в отличие от нас, осознают и методично работают над ее выполнением. Основным орудием борьбы с Россией они выбирают слабые государства, внушают им посредством пропаганды страх перед ней и дают щедрые кредиты на вооружение. На Дальнем Востоке в качестве тарана выбрали Японию, в Малой Азии и Египте намерены основать новые, послушные им режимы, с юга нацелить на Россию Турцию, с севера — Норвегию, Швецию... Едрихин прозорливо указал даже на управляемый хаос в Малой Азии, Сирии и Африке, который англосаксы создадут для борьбы с русскими.

Англо-бурская война стала для Алексея Ефимовича своего рода испытательным полигоном, где он проверял собственную теорию, обогащал ее новыми фактами и наблюдениями. Внимательно изучал способы ведения войны англичанами, начиная с организации в Европе информационно-пропаган-

Штаб Северо-Западной армии генерала Н. Юденича

Английские интервенты в Мурманске. 1918

дистской поддержки их глобальной деятельности. По дороге в Африку некоторое время провел в Старом Свете, зорко наблюдая за царившими там нравами и общей атмосферой. Это был его первый визит в Европу. Та по-прежнему считалась у нас образцом для подражания, являлась кредитором расцветавшей русской промышленности, в связи с чем Российская империя попала не только в идеологическую, но и в финансовую кабалу, приняла на

себя самые большие в мире долговые обязательства.

Едрихин, не в пример многим русским дипломатам и общественным деятелям, обладал трезвым взглядом человека из низов, не замыленным вековым подражанием, суетливым преклонением перед европейцами. Он понимал, что Европа — разменная монета в борьбе англосаксов за планетарное господство с их главным противником — Россией...

По возвращении из Трансвааля он подал рапорт о смене фамилии: Едрихин стал Вандамом — по-видимому, в честь одного из известных борцов с англичанами, героя Англо-бурской войны. Незадолго до начала Первой мировой Вандам успел опубликовать две важнейшие работы — «Величайшее из искусств. Обзор современного положения в свете высшей стратегии» и «Наше положение». В этих трудах дается краткий очерк истории России, перечислены ее слабые места, основные противники и опасности, указан путь к победе.

Больше всего автора волновало то, что на родине действовало организованное революционное подполье, щедро финансируемое и управляемое извне. Оно, вооруженное теорией «давно осмеянного Западом Карла Маркса», — основная угроза для государства. Все восстания, стачки, беспорядки производились, как по мановению волшебной палочки, в моменты ослабления России. Например, в период неудачной Русско-японской войны началась первая революция. Вандам предостерегал: Российской империи, при наличии в ней революционного, управляемого извне подполья, ни в коем случае нельзя вступать в общеевропейскую войну.

В 1912-м он писал о неизбежности такой войны, представив веские доказательства. Однако в российском обществе, ослепленном преклонением перед Западом, никто не верил в вероломность «цивилизованных народов». Едрихин предупреждал, что война, с одной стороны, будет разыграна как по нотам, а с другой, окажется крайне невыгодной, разорительной и даже гибельной для России; Англия натравит русских на немцев, в то время как именно Германия — наш естественный союзник; стремительному расцвету этого государства «будет соответствовать и такой же внезапный конец»; Англия не допустит доминирования

Германии, уничтожит ее руками русских, на долю которых придется до 70 процентов всех потерь в грядущей войне.

Геополитически Россия — антагонист морской колониальной империи англосаксов. Большая часть пространств нашей континентальной (сухопутной) страны расположена на Востоке. Она —

Все восстания, стачки, беспорядки производились, как по мановению волшебной палочки, в моменты ослабления России. Вандам предостерегал: Российской империи, при наличии в ней революционного, управляемого извне подполья, ни в коем случае нельзя вступать в общеевропейскую войну

преемница империи Чингисхана, — такую мысль Вандам высказал задолго до классиков евразийства. Внешнюю и внутреннюю политику необходимо строить исходя из этого фундаментального геополитического фактора, как можно меньше вмешиваясь в европейские дела. Было бы идеально организовать коалицию сухопутных держав Европы против Англии и США — морского альянса англосаксов.

Заметим, что Вандам в своих воззрениях опередил Карла Шмитта с его концепцией геополитического противостояния, где, в частности, фигурирует понятие «абсолютный враг», служащего основой для внешней политики любого сильного государства. Предвосхитил и тезисы Хэлфорда Маккиндера — об

извечном противодействии цивилизаций Моря и Суши, — высказанные в книге «Географическая ось истории». Маккиндер развил теорию господства США, Алексей Ефимович говорил и писал об этом значительно раньше. Осмыслить геополитические расклады Вандаму помог его острый аналитический ум, свободный от предвзятых идей, революционных и либеральных «идеалов», а также блестящее знание мировой истории.

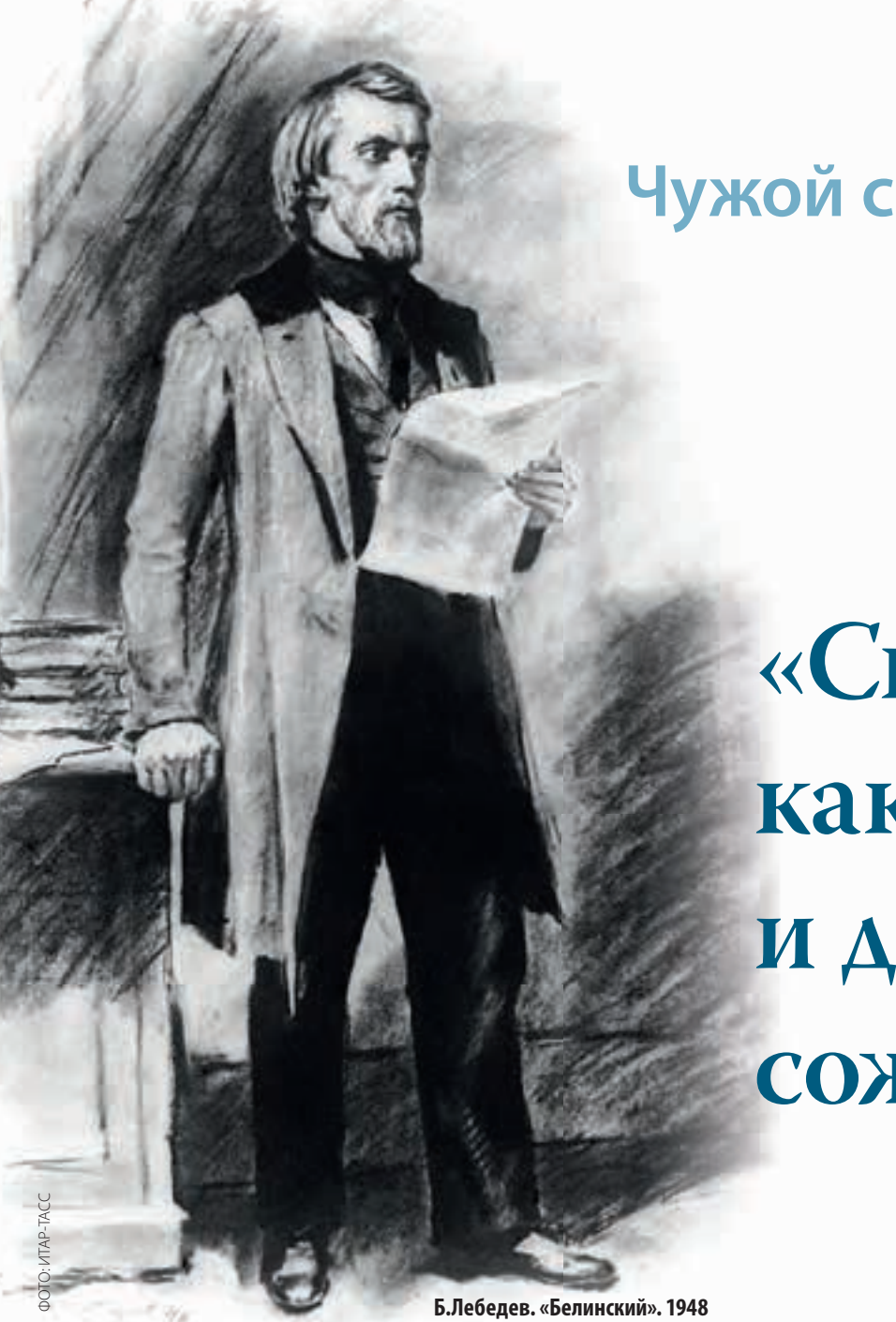
К его мыслям и докладам в России, повторимся, своевременно не прислушались. Катастрофической чередой шли Первая мировая война, революции 1917-го, Гражданская, голод, страшные эпидемии, разруха народного хозяйства, репрессии... За те годы погибло до 15 процентов населения страны, переставшей быть империей.

До нас не дошли свидетельства о последних годах его жизни, о том, как он воспринимал исполнение собственных предсказаний. Ведь Вандам полагал, что всего этого могло и не случиться: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших собственных, правильно понимаемых интересов — у нас не будет причин опасаться наших соседей».

Скончался генерал-майор Алексей Вандам 6 сентября 1933 года в Таллине. До конца дней он всячески поддерживал бывших российских кадровых военных. Несмотря на потрясения XX столетия, Россия может получить второй исторический шанс — об этом больше века назад писал наш герой. Чтобы такую возможность не упустить, не мешало бы более внимательно отнестись к работам выдающегося соотечественника, одного из самых трезвых умов в нашей истории.

Чужой среди своих

«Сгорите,
как свечка,
и других
сожжете»

Б.Лебедев. «Белинский». 1948

Валерий Бурт

Во времена СССР Виссариона Белинского почитали безмерно. Он являлся неприкосновенным (для тех, кто теоретически мог бы ему в чем-либо возразить), едва ли не святым — во многом из-за того, что о нем уважительно отзывался Ленин, считавший «неистового Виссариона», наряду с Герценом и Чернышевским, одним из буревестников русского революционного движения, предтечей социал-демократии.

Нынче это имя, по сути, забыто. Однако негромкий, 205-летний, юбилей дает повод опять взглянуть на обобщенный портрет критика. В какой-то мере заново, другими глазами...

Ворох мыслей, идей, сравнений

Считалось, что он указал путь, по которому должна идти русская литература, чтобы стать мощной общественной силой. Классическими, непрезойденными слыли статьи о творчестве Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя и других наших писателей.

Дух Белинского витал в школах, училищах, вузах. Ученики и студенты заполняли тетрадки длинными цитатами, однако зевая и лентясь пробираться сквозь темные дебри слов к вероятному свету смысла. Механически заучивали некрасовские строки: «Ты нас гу-

теки, парки, скверы, названные в его честь. На карте страны можно найти даже город Белинский! Памятников — не сосчитать. Только в Пензе, где будущий публицист провел детские годы, четыре монумента.

В 1953 году на экраны вышел фильм «Белинский». В нем причудливая фантазия сценаристов собрала весь цвет отечественной литературы — главного героя, Лермонтова, Герцена, Некрасова, Тургенева. В одном из эпизодов лакей накрывает на стол, интересуясь у артиста Михаила Щепкина, что за гости пожалуют. Тот торжественно объявляет: «Нынче будут два самых великих человека в России!» Это Белинский и Гоголь. Разговор

новый намек на гоголевские строки: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа».

«Кто берется судить о других...»

Белинский отдал должное «Мертвым душам»: «Творение чисто русское, национальное». Но и упрекнул — правда, несколько странно — в «любви и горячности к своему родному и отечественному». По его мнению, литератор порой забывает о роли обличителя и восхищается жизнью в России, с которой обязан «сорвать покров».

Вправе ли рецензент эдак свысока указывать всеми признанному, большому писателю? Волен ли повелевать его мыслями, направлять перо? Разве равнозначны эти фигуры по дарованию, масштабам замыслов?

Критик — человек, озирающий литературную ниву. Где-то посреди этого щедрого на урожай поля он раздумчиво замирает, где-то что-то отмечает, великодушно хвалит. Не всегда такой господин пребывает в благостном расположении духа. Порой гневается, корит. Иной раз охотно низвергает дебютанта. Или снисходительно журит, как учитель нерадивого ученика, снабжает советами.

Есть и те, кому особую сладость доставляет расправа над личностью органичной и самобытной. А если жертва к тому же возражает, то в нее впиваются еще больше. Подобный субъект не только зол, но и злопамятен — отныне не пропустит ни строки непокорного литератора без того, чтобы посильнее цапнуть его пером...

Сквозь толщу лет Белинский видится именно таким — всяким. В молодости он упражнялся в словосложении, однако прекратил опыты ввиду отсутствия таланта. Да и знаниями не был отягощен — его исключили из

манно мыслить научил, / Едва ль не первый вспомнил о народе, / Едва ль не первый ты заговорил / О равенстве, о братстве, о свободе...»

В Советском Союзе было выпущено 13-томное собрание сочинений Белинского, в которое составители включили все написанное с молодых ногтей до последних дней. Попытается ли кто-то сейчас разгрести этот ворох страстей, идей, фантазий?

Имя Белинского носят 478 (!) площадей, улиц и переулков в России. Есть железнодорожная станция, институты, школы, библио-

теки, парки, скверы, названные в его честь. На карте страны можно найти даже город Белинский! Памятников — не сосчитать. Только в Пензе, где будущий публицист провел детские годы, четыре монумента.

В фильме появляются символические титры: Белинский превратил журналы, в которых сотрудничал, в политическую трибуну. Его голос гремел по всей России, призывая к освобождению народа.

На экране во весь опор мчатся тройка резвых лошадей — яв-

Московского университета «по слабости здоровья и притом по ограниченности способностей».

В реке удручающего многословия

Ореол его величия был непрочен. Он сам попадал под удар критики, как и опасался: «Кто берется судить о других, тот подвергает и самого себя еще строжайшему суду».

Белинский набросился на Гоголя за «Выбранные места из переписки с друзьями», назвав автора «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов». И призвал от книги отречься.

Гоголь, ошеломленный потоком незаслуженных обвинений, подготовил ответ. В нем достаточно аргументов, способных убедить полемиста (будь тот мудр и беспристрастен) в его мимолетных заблуждениях: «Как далеко вы сбились с прямого пути, в каком вывороченном виде стали перед вами вещи!» Но это письмо классик не отправил, возможно, не желая разжигать скандал. Тем не менее послание сохранилось и стало достоянием потомков.

«Нет, Виссарион Григорьевич, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях легкими журнальными статейками и романами тех французских романистов, которые так пристрастны, что не хотят видеть, как из Евангелия исходит истина, и не замечают того, как уродливо и пошло изображена у них жизнь... вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса. Вознаградите это чтением больших сочинений, а не современных брошюр, писанных разгоряченным умом, совращающим с прямого взгляда».

Там же великий писатель вывел символические слова: «Вы сгорите, как свечка, и других сожжете».

«Белинский — это легенда, — полагал литературовед Юлий Айхенвальд. — То представление, какое получаешь о нем из чужих прославляющих уст, в значительной степени рушится, когда подходишь к его книгам непосредственно. Порою дышит в них трепет искания, горит огонь убежденности, блещет красивая и умная фраза, но все это беспомощно тонет в водах удручающего многословия, оскорбительной недодуманности и беспрепятственных противоречий».

Портрет пера Тургенева

Айхенвальд также считал, что Белинскому не хватало знаний, хотя сам критик этого не сознавал: «Иначе он понял бы, как мало права было у него озира́ть с птичьего полета историю и философию, говорить обо всем, не зная ничего...»

Тургенев, который дружил с Белинским, оставил словесный портрет, оговорившись, что знакомое многим литографическое изображение дает неверное представление о персонаже. И так...

«Это был человек среднего роста, на первый взгляд довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головою. Одна лопатка заметно выдавалась больше другой. Всякого, даже не медика, немедленно поражали в нем все главные признаки чахотки... Притом же он почти постоянно кашлял. Лицо он имел небольшое, бледно-красноватое, нос неправильный, как бы приплюснутый, рот слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькие частые зубы; густые белокурые волосы падали клоком на белый, прекрасный, хоть и низкий лоб... Кто видел его только на улице, когда, в теплом картузе, старой енотовой шубенке и стоптанных калошах, он торопливой и неровной походкой пробирался вдоль стен и с пугливой суровостью, свойственной нервическим людям, озира́лся вокруг, — тот не мог составить себе верного о нем понятия, — и я до некоторой степени понимаю восклицание одного провинциала, которому его указали: «Я только в лесу таких волков видывал, и то травленных!»

Портрет пера Тургенева — не просто выразительное полотно, но еще и важное дополнение к сложносоставному образу. Болезненное и нервическое состояние Белинского порождало в его душе множество сомнений — те его раздирали, лишали покоя. Он постоянно

Е.Редько — Белинский и Н.Уварова —
Натали Беер в спектакле РАМТа
«Берег утопии»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

А. Наумов. «Белинский перед смертью». 1884

бился над разрешением мучительных вопросов, которые сам же себе задавал. Тургенев вспоминал, что лишь придет к нему, и тот, исхудавший, больной, «тотчас встанет с дивана и едва слышным голосом, беспрестанно кашляя, с пульсом, бившим сто раз в минуту, с неровным румянцем на щеках, начнет прерванную накануне беседу».

Спустя два-три часа гость остывал, ему хотелось отвлечься. Однако Белинский не желал прерывать разговор, хотя на этом чуть ли не со слезами настаивала его жена, напоминая о предписании врача. Однажды он сказал Тургеневу с горьким упреком: «Мы не решили еще вопроса о существовании Бога, а вы хотите есть!...»

Мятежный дух бурлил и в разговорах, и в статьях. Яростно обличалось не только то, что по каким-то соображениям заслуживало критики, но и то, что просто раздражало, было несозвучно воззрениям. Друзья и знакомые прозвали обличителя «неистовым Виссарионом».

«Он бросался на противника барсом»

В «Былом и думах» Герцен общал: Белинский «в злейшей

чахотке, а все еще полон святой энергии и святого негодования, все еще полон своей мучительной, «злой» любви к России...»

Историю своей страны «неистовый Виссарион» назвал потерянной «в грязи и навозе», утверждал, что здесь вредны молитвы и проповеди, а «в громозвучных стихах Ломоносова нет ничего русского». Он недооценивал Пушкина, не понял Баратынского.

До сих пор в ходу давно ставший популярным анекдот: «Белинский едет по вечернему Петербургу на извозчике. Тот видит — барин не заносчив, пальтишко на нем простое, фуражка потеряя. В общем, можно поговорить:

— Вы, барин, кем будете?

— Я, братец, литературный критик.

— А это кто?

— Вот, к примеру, писатель напишет книжку, а я критикую.

Извозчик почесал бороду, побряхтел:

— Ишь... (непечатно) какая!...»

Обратимся еще раз к воспоминаниям Герцена: «Без раздражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих

убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла...»

Допустимо предположить: если бы не ранняя смерть, Белинский еще долго продолжал бы с той же страстью отстаивать свои взгляды, назидать, устраивать горячие словесные баталии. Хотя Достоевский считал, что, отведи ему судьба больше времени, он уехал бы в эмиграцию «и скитался бы теперь маленьким и восторженным старичком с прежнею теплою верой, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии или прикнуд бы адъютантом к какой-нибудь немецкой m-me Гёгг, на побегушках по какому-нибудь женскому вопросу».

Почему писатель, отнюдь не лишенный дара предвидения, так решил? Бог весть...

Стоп-кадр

С. Герасимов
на съемках фильма
«У озера». 1968

ФОТО: РИА-НОВОСТИ

Любить человека

Николай Ирин

Среди многочисленных корифеев советского кино Сергей Герасимов выделялся прежде всего тем, что имел собственную, уникальную философию творчества. Он не просто режиссировал и преподавал, но до последних мгновений жизни анализировал, искал формулировки, стремился разобраться в тенденциях развития экранного искусства. Это был по-хорошему любопытный, по-настоящему мыслящий художник. 3 июня исполняется 110 лет со дня его рождения.

АНДРЕЙ Тарковский обижается в дневниках на его критику в отношении «Страстей по Андрею», сработанных, на взгляд Сергея Аполлинариевича, «вокруг Рублева, в каком-то западном духе конструирования рассказа о личности».

Обида Тарковского понятна, однако претензия Герасимова — не прихоть идеолога-самодура, а несогласие художника, исповедующего иные творческие принципы. Он состоялся в 1920-е, его мышление социологично. Интересовался судьбой человека, сформированного конкретной общественной формацией. Аутизм Рублева в том виде, каким он представлен у Тарковского, закономерно вызывал у Герасимова недоумение.

То, как, по его мнению, следует соотносить социальное с личным, наглядно иллюстрируют «Короткие встречи» любимейшей его ученицы, Киры Муратовой. Вот она — степень влияния герасимовского метода на художника.

В постсоветский период произошла деформация: социальное исследование в отечественном искусстве было дискредитировано, и Герасимов приопустили, подвинули с пьедестала. Но это недоразумение. Герасимов огромен, значителен, наступает срок открывать его заново.

Когда его что-то по-настоящему задевало за живое, за нерв, Герасимов становился необыкновенно щедрым: весь мир должен был непременно узнать о чужом художественном открытии, о Чуде

Начинал он как актер. Активно снимался в легендарных картинах «фэксов» — Григория Козинцева и Леонида Трауберга, у Фридриха Эрмлера и Всеволода Пудовкина. Герасимов фактурен, выразителен, эмоционально заряжен. Одна-две яркие краски, три-четыре гротеск-приема, и вот уже готов незабываемый образ.

Таким он остается и в жизни. Телевизионные размышления зрелого и пожилого мэтра — это всегда немножко представление, в значительной степени актерство. Он в курсе, что на него интересно смотреть, знает, как подать ту или иную «теоретическую» идею, пользуется всем арсеналом приемов, чтобы донести, достучаться и убедить.

Он нравится себе, купается в своей природной выразительности, Герасимова много, его беспокойный

дух заражает. Конечно, человек с такими задатками не мог не прийти на педагогическое поприще. Сначала вел актерскую мастерскую на «Ленфильме», а в 1944-м наступило время его первой актерско-режиссерской мастерской во ВГИКе.

Сколько их потом будет? Какое количество знаменитых, легендарных и гениальных деятелей отечественного киноискусства воспитает он вместе со своей супругой Тamarой Макаровой? Трудно перечислить. Ни один педагог страны не может похвастать таким послужным списком. Сотни звезд первой величины: и актеры, и постановщики.

Татьяна Лиознова и Сергей Бондарчук, Фрунзе Довлатян и Лана Гогоберидзе, Виктор Соколов и Лев Кулиджанов, Инна Макарова и Нонна Мордюкова, Людмила Гурченко и Наталья Фатеева, Николай Рыбников и Галина Польских, Алла Ларионова и Николай Губенко, Сергей Никоненко и Вадим Спиридонов, Жанна Болотова и Зинаида Кириенко, Евгений Жариков и Лариса Лужина, Лидия Федосеева-Шукшина и Наталья Гвоздикова, Наталья Аринбасарова и Наталья Белохвостикова...

О «школе Герасимова» первым заговорил Всеволод Пудовкин, понимая ее и как эстетическое, и как нравственное явление. Собственная заразительность и любопытство к жизни — то, вокруг чего объединял он самых разных, культурных и пока что не очень, студентов. Дотягивал одних, шлифовал других, открывал неожиданные грани в третьих. Та же Муратова до сих пор с предельной благодарностью высказывается о своем Учителе, который не просто сориентировал во вгиковские времена, но и неизменно поддерживал позже: не позволял сгинуть, сломаться, хлопотал и подсказывал. Единодушие учеников в оценке любимого педагога впечатляет. Не случайно ВГИКу было присвоено имя Сергея Аполлинариевича.

Э. Быстрицкая, В. Рапопорт, П. Глебов и С. Герасимов на съемках фильма «Тихий Дон». 1956

Первая же мастерская дала звездную россыпь актеров, которые под его руководством сначала сделали спектакль по «Молодой гвардии», а потом сыграли роли в легендарной одноименной кинокартине. Он регулярно снимал подопечных в своих громких работах, давая им путевку на большой экран, обеспечивая старт громкой карьеры.

В советское время был штамп — «причастность к судьбе страны». Но только ли штамп? Применительно к таким художникам, как Герасимов, впору говорить о живом наполнении этой формулы. «Семь смелых» и «Учитель», «Журналист» и «У озера», «Юность Петра» и «Лев Толстой» — во всех этих фильмах Герасимов, что называется, психологически «влипает» в реальные проблемы, исследует и пробует на разрыв социальную ткань, страстно упражняется в истории.

Отдельная статья — экранизация большой литературы. «Маскарад» с Николаем Мордвиновым, «Красное и черное» с Николаем Еременко-младшим и, наконец, непревзойденный «Тихий Дон» — работы образцово-показательные. Режиссер не модернизирует классику, но расширяет горизонт ее понимания. Все это — прочтения реалиста, человека, ищущего для литературного произведения живой почвы в настоящем. Герасимов внутренне

ориентируется на культурного современника: современны и актерская манера, и технические приемы. Однако принцип историзма не нарушается: мастер осторожен, почтителен, аккуратен. Никаких аллюзий.

Аккуратность эта оставляет его некоторые работы на якоре, в своей эпохе. Иногда досадуешь на то, что режиссер не решался пропустить исходник стежками второго плана, не вышел за пределы исторического и

психологического опыта, характерного для автора пьесы или романа. Скажем, «Дворянскому гнезду» Андрея Кончаловского, «Женитьбе» Виталия Мельникова или «Неоконченной пьесе...» Никиты Михалкова свойственно радикальное расширение исходного смысла, непредставимое для Сергея Аполлинариевича.

Хотя, возможно, дело в том, что его молодость и зрелые годы пришлись на времена, когда было не до

В роли Льва Толстого. 1984

«Любить человека». 1973

ФОТОГРАФИИ: РИА НОВОСТИ

шуток, не до намеков и стилистических упражнений, а в последние десятилетия догонять молодых и дерзких ему было не с руки. Все же и в повадке, и в мышлении Герасимова присутствует легкое «хулиганство», проблескивает воля к эксперименту. Да, именно так — он экспериментировал в жанре социальной аналитики, сочетая в картинах 60–70-х модное и эффективное «наблюдение» за разными общественными слоями, за абстракциями, исполненными психологической достоверности частного поведения.

Когда его что-то по-настоящему задевало за живое, за нерв, Герасимов становился необыкновенно щедрым: весь мир должен был непременно узнать о чужом художественном открытии, о Чуде. Он много размышлял, говорил и писал о феномене Тарковского. Что-то не принимал, отрицал, но мог, выступая в телевизионной студии «Останкино» перед всесоюзной аудиторией, внезапно переключиться на эпизод из «Зеркала», загореться, пересказать так ярко и подробно, что хотелось немедленно отыскать, проверить и приобщиться.

«Встретились случайные мужчина и женщина, Терехова и Соловницын, встретились и расстались. А по полю — от него к ней, от нее к нему — пробегает мощная волна, ураган. Это же страсть, понимаете? Страсть! И это удивительное открытие, это Образ, это Искусство».

Он сам был страстным, влюбчивым, горячим. Есть версия, что на смертном одре удивился: «Как, и это все? Так быстро?!» Прожил огромную жизнь, оставил огромное наследие: в душах, на бумаге, на пленке.

Его ученик, режиссер Александр Муратов вспоминает: «На одном из наших занятий Кира Муратова гневно воскликнула: «Сергей Аполлиариевич! Надоело отражать! Хочу исказить!» Мастер был буквально ошарашен. Я впервые видел его в таком шоке. Он весь побагровел и вдруг сказал фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Братцы! Я тоже за поиски. Но все же призываю вас искать там, где кто-то что-то когда-то положил. Поиски там, где заведомо ничего не лежит, idiotичны».

Искать вслед за Герасимовым — разумно. Он обладал не только талантом художника, педагога и мыслителя — был неизменно влиятелен. Государственный человек, «хозяин дискурса», ответственный за страну, ее искусство и духовный климат. Некоторые режиссеры, случалось, оказывали большее влияние, чем Герасимов, но проходило время, и их возможности сходили на нет, а Сергей Аполлиариевич всегда оставался в фаворе. Просто был очень нужен.

«Любить человека» — одна из его знаковых работ. Кажется, клише, причем не самое жизненное (особенно по нынешним временам). Но стоит вспомнить герасимовскую повадку, цепкий взгляд, внезапное внутреннее возгорание, и вот уже не сомневаешься в искренности намерения, высшем праве и непреходящей способности любить. Поучимся и мы.

В музее С. Герасимова в селе Кундравы

В мастерской ВГИКа. 1981

Родное слово

РИСУНОК: Л. ВЛАДИМИРСКИЙ

Изумруды нашего детства

Дарья Ефремова

14 июня исполняется 125 лет со дня рождения Александра Волкова, писателя и переводчика, педагога и сказочника. Он открыл для русскоязычной детворы магический мир Изумрудного города и прочих земель-государств Волшебной страны.

ЛЕТАЮЩИЕ башмаки, ожившие куклы (не те, что у немецких романтиков — пустоглазые, inferнальные, — но обаятельные, добрые, чудаковатые), великолепные города из стекла, притворяющегося драгоценным камнем, говорящие животные... Даже злая и коварная колдунья несколько не травмирует хрупкую детскую психику: ну, висят связки дохлых летучих мышей по углам, эка невидаль. А ворчит она, право же, забавно: «Куда это подевались змеиные головы? Не все же я съела за завтраком!.. А, вот они, в зеленом горшке! Ну, теперь зелье выйдет на славу!.. Достанется же этим проклятым людям! Ненавижу я их... Расселились по свету! Осушили болота! Вырубили чащи!.. Всех лягушек вывели!.. Змей уничтожают! Ничего вкусного на земле не осталось!..»

Книга, впервые увидевшая свет в 1939-м, а двадцать лет спустя переизданная с иллюстрациями «придворного художника Изумрудного города» Леонида Владимировского, давно обрела свое законное место в сокровищницах бесчисленных детских комнат. Уж очень лакомой она выглядит — словно монпансье в красивой жестяной банке. Хотя, казалось бы, изложены в ней, особенно в начале, совсем «недетские», чуть ли не апокалиптические обстоятельства — ураган, переправа через зловещую реку, страшный потоп... Однако многим поколениям верилось: именно такие приключения — самые настоящие. Только так и получится найти друзей, совершить подвиг, поверить в себя раз и навсегда. А еще научиться не злиться, не обижаться, когда кто-то кладет тебя на обе лопатки в бескомпромиссном споре.

«Почему ты хочешь вернуться в свой сухой и пыльный Канзас?» — спросил у Элли Страшила. — «Ты потому не понимаешь, что у тебя нет мозгов, — горячо ответила девочка. — Дома всегда лучше!» <...> «Солома, которой я набит, выросла на поле, кафтан сделал портной, сапоги сшил сапожник. Где же мой дом? На поле, у портного или у сапожника?» Элли растерялась и не знала что ответить»...

Именно с этого сакраментального вопроса — убога или желанна голая степь с бедными фермерскими вагончиками, раскиданными на три мили друг от друга («из обстановки — железная печка, шкаф, кровать»), —

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

и начались расхождения с первоисточником, «Удивительным волшебником из Страны Оз» Лаймена Фрэнка Баума. Переводить классика американской литературы Волков начал «для себя», чтобы попрактиковаться в английском. За который засел, будучи сорокалетним отцом семейства и вообще уважаемым человеком: учительствовал в школах Ярославля и Усть-Каменогорска, был членом совета депутатов, а на момент начала всей этой истории уже перебрался в Москву — заведовать учебной частью Рабфака. Тогда же поступил на физмат МГУ. Одолеl пятилетний курс за семь месяцев и следующие двадцать лет преподавал высшую математику в Институте цветных металлов.

«Волшебника» обкатывал на собственных детях. Так пес Тототшка заговорил (не молчать же в критической ситуации старому другу), девочку стали звать Элли вместо неблагозвучной для русского уха Дороти, мудрец из Страны Оз обрел фамилию и титул — Великий и Ужасный Гудвин. Рукопись завершилась поучительным, в лучших традициях советской педагогики, послесловием.

«Мои юные читатели!!! <...> Вы, наверное, очень удивились, узнав, что Великий и Ужасный Гудвин оказался не волшебником. Сказка учит тому, что всякая ложь, всякий обман в конце концов раскрываются. Зачем же понадобилось... притворяться чудодеем, обманывать людей и прятаться от них в течение многих лет?» Все потому, выводит автор, что добродушный и слабхарактерный Гудвин очень боялся настоящих волшебниц. Вот и нашел хитрый способ утвердиться в их мире, а когда маленькая девочка и ее экстравагантные компаньоны победили ведьму и разоблачили властителя Изумрудного города, он очень обрадовался. В финале сказки Элли встречает Джеймса Гудвина на ярмарке в Канзасе, они бросаются друг к другу в объятия как родные.

При очевидном сюжетном сходстве различия между книгами Волкова и Баума начинаются с первой же главы и плавно перетекают в заключительную. Семья Дороти перебирается в волшебную страну: там природа, море, замки, она явно комфортнее, чем пустынная степь Среднего Запада. Элли вместе с мамой, папой и

псом остаются в пыльном Канзасе. Это их родина, и она вовсе не кажется им унылым захолустьем.

Другой знаковый момент: у персонажей русского сказочника развито чувство товарищества. Тогда как герои американца — каждый за себя. К примеру, после тяжелой переправы через реку Дороти возвращается к потерянной дороге вместе с Львом и Дровосеком. Беспомощно барахтающегося в воде Болвашу (так в некоторых переводах заокеанской версии зовут Страшилу) они обнаруживают случайно. Не увидели бы — да и бог с ним. «Наши», едва пристав к берегу на прохудившемся плоту, тотчас бросаются на помощь. В свой черед и Страшила не раздумывает, стоит ли беспокоить просьбами Королеву мышей, чтобы разбудить заснувшего на маковом поле Льва. В отличие от Болваши, принявшего такое решение после долгих колебаний (Дровосека и Дороти это вообщем не заботит: спит, ну и нехай спит).

«Американский» Оз не исполняет заветных желаний, предлагая обманки-паллиативы — поит Трусливого Льва шипучим напитком, вкладывает в грудь

фантазии с аутотренингом, а самое настоящее общенациональное сплочение. Коллективистские мотивы звучали и в последующих произведениях Александра Мелентьевича: волшебный мир буквально напичкан злодеями — туповатые дуболомы, воинственные марраны, завоеватели-инопланетяне; справиться с ними в одиночку совершенно невозможно. И уже в «Волшебнике» на помощь героям приходит народ, который в «Стране Оз» к ребятам, в общем-то, безучастен. Попав в плен к колдунье, Дороти и Лев строят планы побега и могли бы этим заниматься до бесконечности, если бы не вмешалась ее величество судьба: Дороти по неловкости облила ведьму водой. Элли действует куда энергичнее: «вербует» кухарку колдуньи, Фрегозу, и та организует против хозяйки всех слуг. «Восстание назревало, — пишет Волков, — но тут непредвиденный случай привел к быстрой и неожиданной развязке». Нет сомнений в том, что, не повернись Элли под руку то самое ведро воды, Бастинде все равно бы не сносить головы. «Наша» девочка не оставит зло безнаказанным. И друга в беде не бросит.

Дровосека тряпичный мешочек, набивает голову Страшилы иголками. Он отнюдь не волшебник, а герои достигают вожаемых целей исключительно за счет саморазвития. Впрочем, «русский» Гудвин — такой же профан и тоже не в состоянии творить чудеса. Принципиальное отличие в том, что метаморфозы с персонажами Волкова происходят благодаря не столько вновь обретенной уверенности в собственных силах, сколько доброте, верности и крепкой дружбе.

Еще один примечательный эпизод из книги Баума, связанный с рассуждениями «волшебника», Волков у себя вычеркнул: «Разве обойдешься без обмана, если заведомо просят о невыполнимом... Несложно было сделать их счастливыми — они, поверив, что я всемогущ, дали волю собственному воображению». Подобные «рефлексии» советским людям были не близки, особенно в предвоенные годы, когда требовались не

«По моему убеждению, — рассуждает баумовский Болваша, — никто так не заслуживает внимания, как оригинальная личность, а тот, кто зауряден, живет и умирает незаметно, что лист на дереве». Эти философствования Волков тоже по понятным причинам отправил в корзину...

После первой публикации «Волшебника Изумрудного города» к писателю пошел поток детских писем с требованием продолжения. «Многие ребята просят меня, чтобы я писал еще сказки об Элли и ее друзьях. Я на это отвечаю: сказок об Элли больше не будет...» — со всей учительской строгостью реагировал Александр Мелентьевич. Однако не удержался. Внял просьбам юных «фанатов». В «Урфине Джюсе...», «Огненном боге Марранов», «Семи подземных королях», «Желтом тумане», «Тайне заброшенного замка» действовали уже полюбившиеся читателям персонажи. Только еще более смелые, горячие и сплоченные.

Последний год Грибоедова. Триумф. Любовь. Гибель. Историческое расследование

Сергей Дмитриев

М.: Вече, 2016. — 752 с.

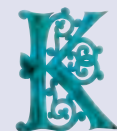
Книгу Сергея Дмитриева можно отнести к наиболее достоверным, фактологически выверенным биографическим изданиям, посвященным Александру Грибоедову. С одной стороны, в ней отсутствуют идеологические штампы, свойственные прежней эпохе. С другой — совершенно не давит груз дореволюционной историографии, трактовавшей гибель блистательного литератора, композитора и дипломата как результат его собственных ошибок, проявлений сложного человеческого характера.

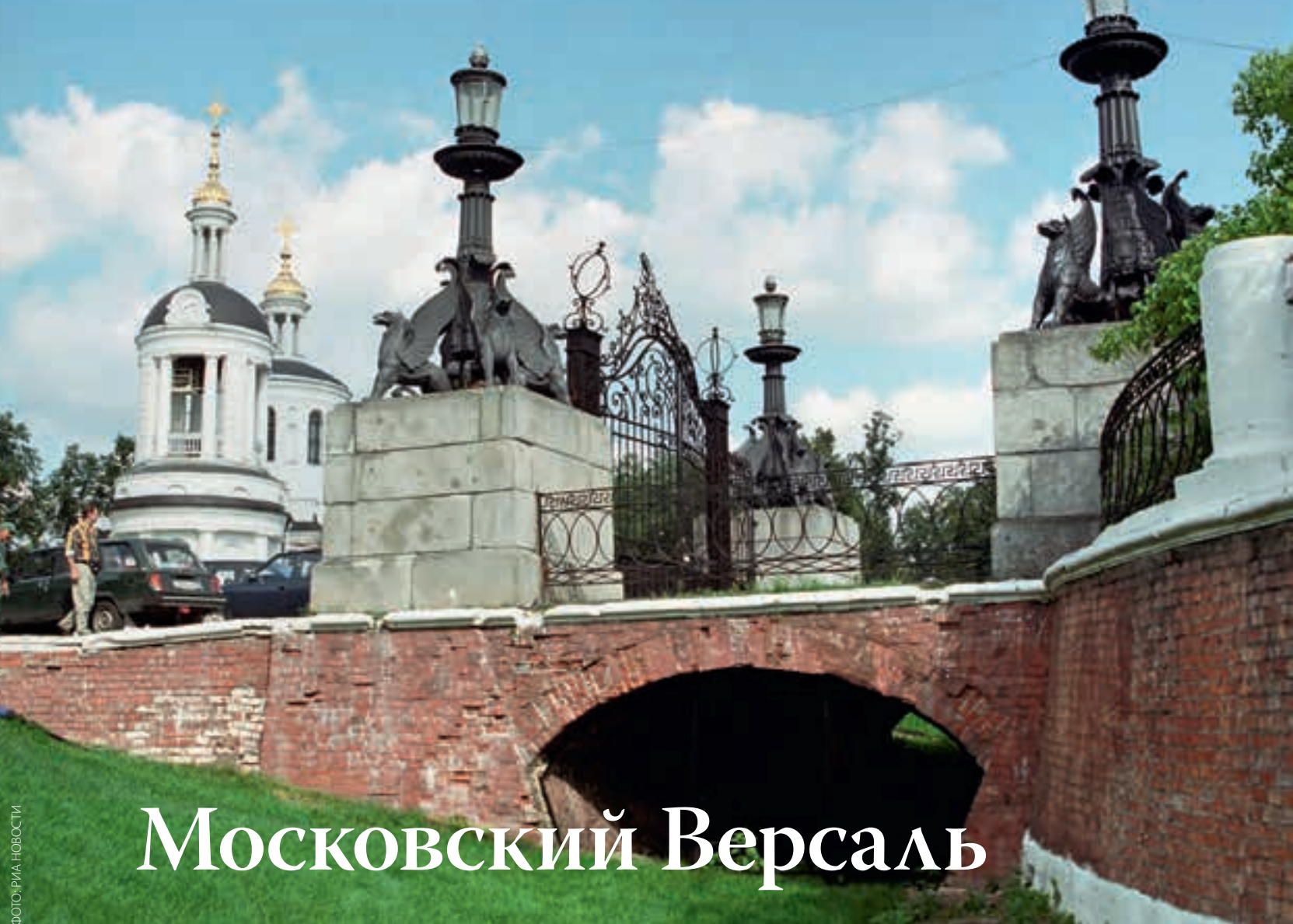
Автор довольно внятно делает вывод: Грибоедова убили не вследствие стихийно вспыхнувших беспорядков тегеранской «черни» и отнюдь не из-за волюнтаристского превышения им посольских полномочий, как писали об этом в позапрошлом столетии. Его смерть стала прямым итогом зловещего заговора, в котором участвовали англичане и их марионетки в окружении шаха, стремившиеся, как минимум, сильно ограничить политическое влияние России на Среднем Востоке, как максимум — втравить ее в еще одну тягелую, кровопролитную кампанию с непредсказуемыми последствиями.

Нового военного противостояния с персами тогда, в начале 1829-го (напомним, что Русско-персидская война завершилась годом ранее), удалось избежать. Более того, убийство Александра Сергеевича стало, по сути, самым последним *casus belli* во взаимоотношениях нашей страны с Персией, вплоть до наших дней. То есть тем, что Россия с Ираном ни разу с тех пор кардинально не ссорилась, мы, не исключено, обязаны прежде всего мужеству и стойкости Вазир-Мухтара, погибшего в неравной битве.

Но не только его кратковременной посольской миссии посвящен этот биографический труд. Здесь рассказывается о великой и трогательной любви главного героя к своей жене, юной Нине Чавчавадзе (потерявшей по получении трагического известия еще и преждевременно родившегося ребенка), о его отношениях с выдающимися современниками и о многом другом. Не обойден вниманием и хрестоматийный эпизод из «Путешествия в Арзрум», в котором Пушкин описал свою чрезвычайно грустную встречу с гробом Грибоедова в горах Кавказа.

Сергей Дмитриев исследовал все доступные на сегодня документы, связанные с жизнью и смертью великого писателя и дипломата, четырежды посетил Иран, побывал в Грузии, Азербайджане, Армении, путешествуя по грибоедовским местам. Его книга наверняка покажется небезынтересной как многочисленным любителям популярной литературы, так и узкому кругу читателей-специалистов.

Московский Версаль

Ольга Марьяновская

Парк Кузьминки — одно из самых популярных мест отдыха в столице, особенно в теплое время года. Здесь сохранились и были восстановлены части великолепного архитектурного ансамбля — усадьбы Строгановых—Голицыных. В зданиях Конного двора, Служительского и некоторых других флигелей теперь находятся экспозиции, посвященные истории усадьбы и ее владельцам.

ВСЕ ВМЕСТЕ это «Музей русской усадебной культуры». Он состоит под эгидой правительства Москвы и обещает стать в недалеком будущем не только территорией приятного и полезного времяпрепровождения, но и одним из наиболее заметных культурных, образовательных, туристических центров столицы. Впрочем, таковым «Усадьба князей Голицыных «Влахернское-Кузьминки» в известной мере является уже сейчас.

Ее первыми владельцами три века назад оказались богатейшие русские промышленники Строгановы. Потомственное дворянство и эти земли, прежде входившие в монастырские угодья, они получили при Петре I. Известно, что первый император Всероссийский в «Кузьминках» бывал, о чем некогда свидетельствовал утраченный ныне обелиск. Помимо Петра Алексеевича, навещали этот в высшей степени примечательный уголок и другие коронован-

ные особы. В середине XVIII столетия имение перешло во владение знаменитых князей — в качестве приданого Анны Строгановой, вышедшей в 1757-м замуж за Михаила Голицына. Хозяева усадьбы — представители как одной дворянской династии, так и другой — славились любовью к искусству, имели собрания фамильных портретов, выполненных лучшими художниками тех эпох, в том числе Федором Рокотовым и Орестом Кипренским.

Упомянутые супруги продолжили работы по благоустройству: перестроили господский дом (до наших дней, увы, не сохранившийся), флигели (сравнительно недавно восстановлены), хозяйственные здания и помещения. Во второй половине XVIII века на месте старой деревянной церкви возвели каменный храм во имя Влахернской иконы Божией Матери (Одигитрии), семейной реликвии Строгановых и Голицыных. Этот древний образ (авторство приписывается евангелисту Луке) был выполнен в технике воскомастики, а в «Кузьминки» привезен из византийских Влахерн. Сейчас он хранится в Государственной Третьяковской галерее.

В. Тропинин. «Портрет князя Сергея Голицына». 1828

В дальнейшем церковь также перестраивалась, рядом появилась ризница. Голицыны приглашали для работ по возведению дома и храма известных архитекторов: Ивана Жеребцова, Ивана Еготова, Родиона Казакова. Особенно бурное строительство развернулось здесь в первой половине XIX века при Сергее Голицыне. Князь, прозванный современниками «последним московским вельможей», любил эти места, не жалел средств на приведение их в совершенный вид. В годы жизни Сергея Михайловича усадьба сложилась как законченный ансамбль. Пригла-

шенный им знаменитый архитектор Доменико Жилярди, воссоздавший многие здания в Москве после пожара 1812 года, обновил окрестные сооружения. Эти труды были завершены его учеником и родственником Александром Жилярди.

Голицыным принадлежали чугунно-литейные заводы на Урале, поэтому в убранстве усадьбы были использованы многочисленные искусные изделия из чугуна: ажурные ворота парадного двора, решетки и скульптуры львов, светильники с грифонами, выполненными по рисункам Андрея Воронихина и Доменико Жилярди. Конный двор с музыкальным павильоном украшен скульптурами Петра Клодта (копиями групп «Укротители коней» с Аничкова моста Петербурга). Усадьба прославилась на всю страну своей особой гармонией природы и архитектуры, редкой ухоженностью, невероятным обилием цветов, слыла излюбленным местом москвичей, стремившихся сюда на массовые гулянья и концерты.

Ежегодно 2 (15) июля тут устраивался праздник Влахернской иконы Божией Матери. «Кузьминки»

ФОТО: БОРИС КАВАШКИН/ТАСС

НА СЕМИ ХОЛМАХ

называли «Московским Павловском» и «Русским Версалем». Сегодня мы можем судить о былом облике этого блистательного дворянского гнезда по рисункам и литографиям австрийского художника Иоганна-Непомука Рауха, сделанным по заказу Голицыных. Но не только...

К концу XIX столетия владельцы отчего-то потеряли интерес к усадьбе. «Кузьминки» пустели, постепенно приходили в упадок, сдавались под дачи. Во время Пер-

«Музей русской усадебной культуры», вошедший в городское объединение «Музей Москвы». Основная экспозиция разместилась в бывшем флигеле для служилых людей: воспроизведены фрагменты интерьеров господского дома, представлены подлинные предметы быта, характерные для усадебной культуры позапрошлого века. Поскольку коллекция семейных портретов Строгановых—Голицыных оказалась разрозненной, разбросанной

Директор музея Татьяна Макеева рассказала журналу «Свой» о некоторых проблемах и планах на будущее:

— Усадьба в прошлые века сильно пострадала. И теперь отдельные здания требуют по меньшей мере реставрации, а некоторые и спасения. Ведь их создавали величайшие архитекторы. Одно из них — Египетский павильон, редкостный образец ампириной архитектуры с элементами египетского стиля, построенный в

ФОТО: РИА НОВОСТИ

вой мировой здесь расположилась воинская часть, и по небрежности сгорел господский дом. В советский период оставшиеся постройки были заняты различными организациями, в том числе Всесоюзным институтом экспериментальной ветеринарии, сильно обветшали, а некоторые и вовсе исчезли.

В 1995 году в истории этого уникального места открылась новая страница. Восстановление храма Влахернской иконы Божией Матери положило начало возрождению самой усадьбы. Пришел черед воссоздания и реставрации памятников архитектуры. В 1999-м был образован

по галереям и хранилищам России, для музея в «Кузьминках» в 2000-е выполнили копии, дающие возможность приобщиться к зримой летописи славных, самых выдающихся дворянских родов.

С 2011-го тут экспонируется отреставрированный портрет князя Сергея Голицына, приобретенный у потомков известнейшей фамилии. В восстановленном Конном дворе находится любопытная выставка, рассказывающая о его богатой истории. Экскурсанты, большинство из которых дети, охотно посещают конюшни, с интересом участвуют в тематических мероприятиях и конкурсах.

1813–1815 годах. К сожалению, осталось много нерешенных юридических вопросов, связанных с территорией парка. Она принадлежит разным организациям. К примеру, с музейными зданиями соседствует настоящий восточный базар. Торговые палатки из центра усадебного комплекса следовало бы убрать. На мой взгляд, недопустимо и то, что по парку все еще ездят машины.

Флигели, сохранившиеся на месте парадного двора господского дома и переданные нашему музею, не подключены к коммуникациям, поэтому работают лишь летом. То есть отнюдь не мешало бы полностью восстановить и парк, и

усадьбу. Московские власти это, разумеется, понимают и, как мне видится, все основные проблемы со временем успешно решат.

Собираемся возродить праздник Влахернской иконы Божией Матери. Этот чрезвычайно почитаемый образ всегда помогал владельцам «Кузьминок». Мы тоже на его помощь надеемся. Для нас будет сделана копия иконы. Музей предлагает гостям различные программы, театрализованные экскурсии, особенно познава-

ном зале «Манеж», входящем в архитектурный комплекс Конного двора, с апреля до конца мая работала выставка «Город-сказка», посвященная Венеции. Экспонировались снимки венецианских дворцов, мостов и карнавалов масок фотографа Поля Лютца, произведения живописца Никиты Макарова и скульптора Алексея Благовестнова. Звучали стихи русских поэтов об этом итальянском городе, подходящая по тематике музыка.

В июне откроется выставка живописи, акварели и работ для театра художницы Инны Медниковой — к ее 90-летию. Недавно в наши фонды поступила подлинная попона, принадлежавшая одному из Голицыных, с фамильным гербом, она сейчас реставрируется. В рамках программы «Архитекторы в усадьбах» в Восточном флигеле господского дома будут проводиться экскурсии, посвященные выдающимся зодчим, трудившимся в «Кузьминках».

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

тельные для детей и подростков. Все многочисленные, говорящие за себя названия навскидку не перечислишь, упомяну лишь некоторые: «Салоны князей Голицыных» (как одевались, о чем говорили, чем интересовались), «Дворянская семья», «Домашнее образование в XIX веке», «Голицынские крестьяне»...

По парку можно погулять с экскурсоводом или самостоятельно, выполняя при этом задания музейного квеста. Есть у нас и специальные праздничные мероприятия, например, в усадьбе справляют свадьбы. Готовим проекты, интересные людям всех возрастов. В концертно-выставоч-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Лебеди под пальмами

Елена Федоренко

Есть в бразильском городке Жоинвиль балетная школа Большого театра, открытая в 2000-м. Идея ее создания принадлежала замечательному русскому танцовщику, а помогли ему губернатор бразильского штата Санта-Катарина и легендарный Владимир Васильев. Последний вспоминает: «В 1998 году ко мне, тогда генеральному директору и художественному руководителю Большого театра, пришел наш заведующий балетной труппой, великолепный солист Александр Богатырев и сказал, что бразильцы предлагают нам открыть у них балетную школу. Подобных предложений отовсюду тогда поступало немало, и зачастую не только по творческим соображениям. Коммерческие проекты шли из крупных городов и столиц, а тут — маленький городок, о котором я почти ничего не знал. Саша убедил меня не сразу, я решил повременить. Но когда из Жоинвиля прилетел Луис Энрике да Силвейра (тот самый губернатор. — «Свой»), я понял, что все получится. Он оказался редким политиком: все дела доводил до воплощения, обожал искусство и желал, чтобы классический балет пришел в его родной город. Недавно Луис ушел из жизни, а наша школа там остается, и она — уникальна».

О РУССКОМ балете в далекой Бразилии «Свой» поговорил с Галиной Кравченко — ведущим педагогом Школы Большого театра в Жоинвиле, экс-солисткой ГАБТа, вдовой народного артиста России Александра Богатырева.

СВОЙ: Почему Ваш муж выбрал Жоинвиль?

Кравченко: Бразилия — страна музыкальная и танцующая, тут увлекаются не только национальными танцами и различными формами уличного искусства, но и классическим балетом. В Жоинвиле проходит международный балетный фестиваль, в конце 1990-х в его программе участвовали солисты Большого театра, среди них Саша. Он полюбил этот городок с темпераментными и благодарными зрителями и подумал, что тот подходит для старта его давней идеи — создать в разных странах школы балета с обучением по русской системе. Мечтал о том, чтобы любимый классический балет развивался в планетарном масштабе. Встретился с губернатором штата Санта-Катарина, где находится Жоинвиль, Луис Энрике да Силвейра с полуоборота завелся. Вместе подготовили бумаги. С ними уже в Москве Александр обратился к Владимиру Васильеву. Владимир Викторович поверил, что Саша хочет открыть школу не лично Богатырева, а Большого театра.

СВОЙ: Других так и не появилось?

Кравченко: Жоинвильская осталась первой и единственной школой Большого за рубежом. К сожалению, Александр не дождался ее открытия, он внезапно ушел из жизни в конце 1998-го, ему не было 50 лет.

СВОЙ: На недавнем конкурсе «Арабеск» в Перми Ваши воспитанники Таис Диодженес и Вагнер Карвалью получили медали, а также стали лауреатами престижного приза Екатерины Максимова и Владимира Васильева

Во время церемонии вручения Галине Кравченко медали Пушкина за сохранение и популяризацию русской культуры за рубежом

как лучший дуэт. Вопрос Таис после первого выступления там удивил чрезвычайно. Она спросила: «Я не подвела русский балет?»

Кравченко: В нашем названии — имя Большого театра. Ориентация на русскую методику заложена изначально. Все профессиональные дисциплины преподаются в соответствии с нормами русской традиции и в основном российскими педагогами. Сейчас уже учат и бразильцы, перенявшие наш опыт. Образование восьмилетнее, помимо классического танца, изучают народно-характерный и дуэтный, актерское мастерство, музыку, историю балета. Как и в Московской академии хореографии, каждые полгода сдаются экзамены, потом проходит общий совет педагогов, где обсуждаются результаты и возможности улучшить работу. Особое внимание уделяем воспитанию московского исполнительского стиля, он — в осмысленности движений. Выполняя то или иное па, нужно знать, почему ты его делаешь и что хочешь этим сказать.

Ученики носят майки с эмблемой Большого театра, знают не одни лишь имена, а творчество русских

артистов. Все балетные залы названы в честь великих исполнителей. Среди них — Анна Павлова, Галина Уланова, Марина Семенова, Асаф Мессерер. У зала №1 имя Александра Богатырева.

СВОЙ: Всех, кто побывал у вас, поражают комфортабельные условия...

Кравченко: Школа огромная, одиннадцать залов, один лучше другого, музыкальные комнаты со звукопроницаемыми стенами, классы для теоретических дисциплин, столовая. Особая гордость — медицинский кабинет, врачи проверяют учеников каждые три месяца, диетологи внимательно следят за рационом питания. Многие наши гости говорят, что не видели такой школы нигде.

СВОЙ: При создании школа позиционировала свою социальную направленность. Государственная поддержка сохраняется?

Кравченко: Да. Большинство учеников происходят из малообеспеченных многодетных и трудных семей. Учатся бесплатно, обеспечиваются питанием и формой, необходимой для занятий: от трико, купальников и спортивных костю-

мов до балетных туфель. Для ребят из других городов и штатов снимается благоустроенный «балетный дом» — то, что в России называют «общежитием». К нам поступали дети, и их немало, у которых и дома-то не было, они жили под мостами. Школа не только дала им профессию, но спасла от нищеты.

СВОЙ: *Много желающих учиться?*

Кравченко: Конкурс растет, бывает по 500 человек на место. Ежегодно принимаем по 20 девочек и мальчиков. Сейчас у нас 300 учеников. Удивительно, но в стране футбола мальчишки активно стремятся в балет.

СВОЙ: *Вы работаете в школе с самого начала, уже 16 лет. Остальные педагоги из России меняются.*

Кравченко: У меня ситуация особая, я продолжила дело мужа, и это для меня не громкие слова. Мы хотели поехать в Бразилию всей семьей на несколько лет, чтобы наладить обучение, а оказались вдвоем с сыном Володей — и задержались. Неожиданно осиротели. Школа меня выручила. Если бы не она, требующая работы в полную силу, то я бы, наверное, не перенесла разлуку с Сашей. Дело захватило. Педагогам же приехать надолго сложно — у всех родные в Москве, а Бразилия далеко. У нас работа-

Спектакль «Дон Кихот»

ли многие экс-солисты Большого: Ирина Пяткина, Нина Сперанская, Дмитрий Рылов, Анна Коблова.

СВОЙ: *Преподавала и Алла Михальченко, потом признавалась, что не выдержала климата. Вам жара и влажность не мешают?*

Кравченко: Впервые я приехала сюда на вступительные экзамены. В Москве была ноябрьская грязь, а в Жоинвиле — чистое синее небо и яркое солнце. Подумала: неужели такое бывает? Климат мне подходит. Жару я переносить неплохо, да и летний зной держится недолго и лишь в разгар дня. К тому же спасают кондиционеры — они повсюду. Сложнее зимой, в Бразилии она

случается в июле и августе, и тогда сутками с небольшими перерывами идут ливни. Но влажность даже полезна женщинам, особенно для кожи.

СВОЙ: *Если не ошибаюсь, сразу после школы планировалось построить Театр балета в Жоинвиле?*

Кравченко: Знаменитый бразильский архитектор Оскар Нимейер сделал потрясающий проект, уже заложили первый кирпич, но... Финансовых ресурсов не хватает, строительство затягивается. Обидно, что выпускники уезжают, у нас же большой репертуар. Благодаря Владимиру Васильеву идут «Жи-

зель», «Дон Кихот», «Щелкунчик». Я поставила «Шопениану» и «Половецкие пляски» из «Князя Игоря». Да и концертных программ немало. Очень помогала школе Екатерина Максимова — она приезжала на экзамены, репетировала с учениками.

СВОЙ: *Где показываете спектакли?*

Кравченко: Нас приглашают в разные города Бразилии, на большие сцены в Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро. В Жоинвиле иногда выступаем в огромном зале «Сентровентос», бывшем спорткомплексе, переделанном под балетный фестиваль, о котором я говорила. В небольшом

драматическом театре города «помещаются» наши концертные программы. Гастролировали в Уругвае, Италии, Франции, Германии. До сих пор вспоминаем выступления в Москве.

СВОЙ: Как складываются судьбы питомцев?

Кравченко: Работают в известных труппах Германии, Австрии, Канады, Америки, Мексики. Но мне радостнее всего, когда выпускники попадают в Россию. Аманда Гомес — прима в Казани, танцует все главные партии. Рафаэла Морел ведет репертуар на Приморской сцене Мариинского театра во Владивостоке и очень рада. Только переживает, что ее парень учится в Москве, — расстояние не позволяет им часто видеться. Мои девочки пишут мне письма, начиная их так: «Наш первый и вечный педагог!»

Трое выпускников танцуют в Большом, ими довольно руководство. Брюна Гальяони Кантанеде получает уже солидные партии, приезжала с гастролями в Сан-Паулу, я специально летала туда, чтобы с ней повидаться. Мариана Гомес пока в кордебалете, однако там не теряется, стоит в первой линии. Про нашего Эрика Сволкин мне рассказали такую историю. Он был одним из русских воинов в балете «Иван Грозный». Репетицию вел Юрий Николаевич Григорович, поинтересовавшийся у ассистента, что это, мол, за парень. Ему ответили: «Наш бразилец». Тогда Григорович взял в руки микрофон: «Русские, вам не стыдно? Бразилец исполняет наши танцы лучше, чем вы...» Эти слова разлились бальзамом по моему сердцу.

СВОЙ: Где сейчас лауреаты нынешнего конкурса «Арабеск» Таис Диодженес и Вагнер Карвалью, которых так полюбили пермские зрители?

Кравченко: При школе есть студия совершенствования для самых способных, тех, кто уже окончил 8-й класс. Они там занимаются, готовят партии. Таис и

Владимир Васильев и Галина Кравченко на репетиции

Удивительно, но в стране футбола мальчишки активно стремятся в балет. Ученики носят майки с эмблемой Большого театра, знают не одни лишь имена, а творчество русских артистов

Вагнер — студийцы. Много ездят по всей стране с концертами, потом возвращаются, осваивают новый репертуар, участвуют в школьных спектаклях. Мы не хотим, чтобы они уехали в небольшую европейскую труппу и затерялись в массовке. Таис — девочка домашняя, боялась оторваться от семьи. Сейчас повзрослела и говорит, что с удовольствием бы отправилась в Россию.

СВОЙ: Бразильский характер — какой он?

Кравченко: Бразильцы очень ласковый и открытый народ. После урока в младших классах к педагогу выстраивается очередь учеников, каждый говорит спасибо и целует его, потом идут с тем же к концертмейстеру. Поначалу, пока не привыкла, удивлялась. Мне нравится в них старательность, внимание к

каждому слову, готовность много репетировать. Уже к средним классам они становятся фанатами балета, понимают, для чего много трудятся. Подчиняются дисциплине, преодолевая свой национальный недостаток. Как и многие южные народы, бразильцы непунктуальны и часто опаздывают. Могут, например, пригласить гостей на день рождения и задержаться. А в балете дисциплина строгая. Они учатся быстро собираться и концентрировать внимание, это помогает им и в общеобразовательных предметах. Все знают, что двойка по математике или литературе не позволит поехать на гастроли. Учатся хорошо.

СВОЙ: У всех выпускников складывается балетная судьба?

Кравченко: Конечно, нет. Далеко не всякому выпускнику крупнейших мировых школ удастся наладить профессиональную жизнь, тем более питомцам Жоинвильской, ведь в городе нет балетной труппы. Однако диплом нашей школы в Бразилии ценится высоко. Какую бы работу они ни выбрали — менеджера или риелтора, — их зарплата выше, чем у других. Ими гордятся. Их сразу можно отличить по осанке и по походке. Если не получается продолжить жизнь в балете, занимаются танцами в свободное время. Любовь к балету остается навсегда.

Трапезная

Греческий смак

Максим Сырников

Однажды мне довелось поучаствовать в Днях России на Ионических островах в Греции. Готовил блюда русской кухни на Корфу, Лефкасе, Кефалонии, Закинфе. Надо отметить, что греки нашей едой интересовались искренне. Нахвалявали кулебяки и овсяные кисели, с удовольствием пробовали солянки и ржаные рыбники. Целые семьи приходили на гастрономические действия под открытым небом, только успевай пироги нарезать.

А ЕЩЕ на острове Закинф я некоторое время поработал с одним из самых известных местных кулинаров — Никосом. Тот несколько лет подряд становился лучшим шеф-поваром своей страны, даже представлял ее в Брюсселе — на ужине по случаю вступления Греции в ЕС.

Его маленький ресторанчик — один из многих на Закинфе. Как это часто бывает, заведение семейное. Официантом — сестра, посуду моет мама, брат ездит на мопеде на рыбный рынок за свежесвыловленными дарами Ионического моря.

На кухне этого ресторана мне и выпало провести несколько дней. И там, помимо всего прочего, я увидел, как правильно готовить мусаку. Это — типичное средиземноморское кушанье: баклажаны, йогурт, лучшая баранина. Как ни странно, и в русской кухне есть весьма похожие блюда. Прежде всего те, что в отечественной кулинарной традиции назывались «запеканками», — мясные, овощные, молочные с яйцом.

В Домострое, к примеру, есть рекомендация по приготовлению бараньих потрохов, которые хозяин «на сковороде изжарит... с молочком, с мукой, да яичками разболтав, нальет», а потом в печи доведет до готовности.

Баклажанов в шестнадцатом веке в Москве не нашлось бы, однако баранины, яиц и молока хватало.

Русско-греческая запеканка из баранины

- Фарш из мякоти баранины — 300 г
- Оливковое масло — четверть стакана
- Лук репчатый — пара репок
- Баклажаны — 2–3 среднего размера
- Помидоры — 2–3 не крупных, но и не мелких
- Два сырых яйца
- Стакан сметаны
- Стакан зелени
- Чеснок, черный перец, соль

Баклажаны нарезать кружками и слегка обжарить на оливковом масле. На нем же

и лук полукольцами пассеровать. Уложить на сковородку без ручек или на маленький противень слой баклажанов с луком, слой нарезанных ломтиками помидоров, слой зелени и сырого фарша, посоленного и поперченного. Сверху — еще слой зелени, баклажанов и помидоров. И все залить заболткой из сметаны и яиц. Запекать до готовности. Если очень хочется, то можно и каким-нибудь сыром перед запеканием посыпать.

Не совсем аутентично, зато вкусно. И о милой Греции напомним.

Своя

ИЮНЬ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки